

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Вводная статья и публикация источника – Х. В. Поплавская

Дневник сотрудника Забайкальской Духовной миссии, священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова

Введение

Предлагаем вниманию читателя интересный и важный для изучения истории распространения православия на территории Сибири документ – «Дневник сотрудника Забайкальской Духовной миссии, священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова»¹. Дневник входит в состав хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации подборки материалов о православном миссионерстве в Сибири, Китае, Корее и проч.². Судя по содержанию архивного дела, составляющие его статьи и подлинные документы по миссионерству являются частью архива (или «издательского портфеля») известного журнала «Православный благовестник», издававшегося с 1895-го по 1917 год в Москве Православным Миссионерским обществом. Главным редактором журнала состоял синодальный миссионер-проповедник протоиерей Иоанн Восторгов (1867 – 1918), причисленный к лику святых Архиерейским собором Русской Православной Церкви в 2000 году. Этим же Собором в список новомучеников и исповедников Российских внесен епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии Ефрем (Кузнецов) (1876 – 1918), заведующий Забайкальской Православной миссией³, под чьим началом трудился автор дневника, священник Никандр Титов. Епископ Ефрем был арестован большевиками в 1918 году одновременно с отцом Иоанном Восторговым на квартире последнего. Таким образом, то, что предлагаемый вниманию читателя

документ находится в личном фонде протоиерея Иоанна Восторгова (ГАРФ. Ф. 9452), не является случайностью.

Присоединение к Российскому государству Забайкалья началось во второй половине 40-х годов XVII века. Осенью 1648 года в 40 верстах от устья впадающей в Байкал с востока реки Баргузин енисейский сын боярский Иван Галкин основал Баргузинский острог, ставший одним из главных опорных пунктов русских казаков. Отсюда начали отправляться новые военные экспедиции во все концы Забайкалья и на Дальний Восток. В 1665 году на Селенге, против устья реки Чикой, был заложен Селенгинский острог, который целое столетие служил административным центром Забайкалья, а в 1666 году в устье реки Уда – Удинское зимовье, вскоре ставшее острогом, а затем городом Верхнеудинском (ныне город Улан-Удэ, столица Республики Бурятия). Внутри возводимых острогов располагались основные казенные здания: приказная и таможенная избы, амбары, воеводский двор, тюрьма и обязательно – церковь.

В сентябре 1620 года патриархом Филаретом была учреждена в Сибири особая епархия с кафедрой в Тобольске. Первым архиепископом Сибирским и Тобольским стал Киприан (Старорусенков). В 1668 году была учреждена Сибирская и Тобольская митрополия и архиепископ Корнилий возведен в сан митрополита царствующего града Тобольска и всея Сибири. Новая митрополия была четвертой – после Новгородской,

¹ Благодарим Надежду Константиновну Чернышову за предоставленную копию фрагмента дневника и за саму идею его публикации.

² ГАРФ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 41.

³ Деяние Юбилейного Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века // Православная Москва. М., 2000. № 17. С. 7 – 8.

Казанской и Астраханской. В 1681 году, по повелению царя Феодора Алексеевича и по благословению патриарха Иоакима (Савелова), Церковный собор решил: «В дальние города, на Лену, в Дауры, посылать людей духовных, архимандритов, игуменов или священников, добрых и учительных, для просвещения неверующих христианским законом». В результате 22 февраля того же 1681 года послана была из Москвы в Тобольск первая в истории Сибири полная Миссия под начальством игумена Темниковского Сретенского монастыря (Тамбовской епархии) Феодосия, состоявшая из 12 человек братии.

Роль официального религиозного центра в недавно присоединенном к Российскому государству крае предназначалась Троицкому Селенгинскому монастырю. Он был основан в 1681 году на левом берегу Селенги, между параллельно идущими лесистыми хребтами гор, на довольно ровном возвышенном месте, на берегу мельничной реки Пьяная. Другим монастырем Забайкалья стал Посольский Спасо-Преображенский, основанный в 1687 году игуменом Феодосием на Байкале, на Посольском мысу.

Под влиянием миссионерства в XVII – XVIII веках образовались целые селения и приходы из новых христиан в разных местах Забайкалья, преимущественно в монастырских владениях, например, села Байкало-Кудара, Тресково, Тимлюй, Подлопатки, Елань, Карымск, Малый Куналей и др. Происходил процесс смешения русских и бурят, результаты которого явно выражены во внешнем облике части населения за Байкалом, называемой здесь карымами, или гуранами. Постепенное заселение Забайкалья стрельцами, казаками и другими группами русских людей, с одной стороны, а с другой – обращение части бурят и эвенков в православие умножали число приходов и храмов. К моменту создания Иркутского и Нерчинского викариатства при Сибирской и Тобольской митрополии (1707 г.) на территории Бурятии насчитывалось 14 церквей и 2 монастыря.

Из святителей-миссионеров, активно проявивших себя в деле проповеди христианства на территории Бурятии в XVIII столетии, известны митрополиты Тобольские Филофей (Лещинский), Иоанн (Максимович), епископ Иркутский и Якутский (с 1727 г.) Иннокентий (Кульчицкий).

К середине XVIII столетия миссионерская деятельность Православной Церкви в Бурятии стала ослабевать во многом по причинам долго-

го перерыва в обновлении кадров миссионеров в царствование Анны Иоанновны (1730 – 1740) и секуляризации монастырских земель Указом 1764 года. В 1756 году из Могилевской и Черниговской губерний в Забайкалье были сосланы старообрядцы, которые расселились по всей его территории, что изменило этноконфессиональную картину Забайкалья не в пользу православия. Но наибольший вред распространению православной веры, по мнению исследователей, принесли несколько указов правительства в отношении распространявшегося на этой территории буддизма (ламаизма), фактически легализовавших расширение его влияния и существование института лам. Заключенные с Китаем 20 августа 1727 года Буринский договор и 14 июля 1728 года Кяхтинский генеральный трактат, подписанный со стороны России С. Л. Владиславичем-Рагузинским, разрешали миссионерскую деятельность монгольских и тибетских лам на территории Забайкалья. В 1734 году русское правительство запретило миссионерскую деятельность Православной Церкви в Забайкалье, опасаясь осложнения отношений с Китаем.

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II учредила Особый совет по составлению нового Положения о различных вероисповеданиях, допущенных в России. По просьбе буддийского духовенства русское правительство стало преследовать тех бурят, которые исполняли шаманские обряды.

Манифестом императора Павла Петровича от 18 марта 1797 года и Указом императора Александра Павловича от 22 июля 1822 года (статьями, касающимися управления инородцами Восточной Сибири) вновь было подтверждено и разрешено свободное исповедание и активное распространение буддийской религии. Во времена императора Николая Павловича за буддийской религией также было признано право ее распространения.

В результате такой поддержки правительства к 1741 году в Восточной Сибири существовало 11 дацанов и 150 лам, к 1846-му – 34 дацана, 144 малых храма и 4546 лам, по другим данным – 5545 лам. Православных миссионеров в Бурятии в тот период было всего лишь три, исполнявших к тому же и приходские обязанности, поэтому вряд ли можно говорить о большой эффективности их деятельности.

Много сделал для открытия второй Забайкальской Духовной миссии преосвященный Нил (Исакович)⁴. Он был убежден, что проповедь

⁴ См. о нем: Чернышов Н. К. Крул чтения миссионера – архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского Нила // Православие и русская народная культура. Кн. 4. М., 1994. С. 90 – 115.

христианства среди бурят и эвенков может быть успешно только тогда, когда миссионер сроднится духовно с ними, будет понимать их язык и сам заговорит сердечно на этом языке, проповедуя слово Божие, а главное – будет гнаться не за количеством обращенных, а за качеством души обращенного христианина. Он приложил немало сил для подготовки нового Положения о буддистах Восточной Сибири, изданного 13 мая 1853 года, в котором правительством было определено 285 штатных лам, а вместе с учащимися хувараками – 320 лам. Остальных лам предписывалось перевести в светское состояние. Преосвященный Нил также добивался уничтожения присяги при вступлении в должность хамбо-ламы, которою последний обязывался русскому правительству поддерживать и распространять ламаистскую веру в России (присягу отменили лишь в 1862 году). Однако эти меры оказались запоздалыми. К этому времени бурятское население считало, что буддийская религия исконна и традиционна для бурят, а православная – для русских, в этом убеждении бурят активно поддерживали ламы.

В 1861 году было открыто Селенгинское викариатство. Назначение в 1862 году начальником Забайкальской Духовной миссии епископа Вениамина (Благоданова) (впоследствии архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского) послужило началом нового этапа ее деятельности. Он пригласил 11 новых сотрудников, и 4 приходских священника также выполняли обязанности миссионеров. Было обустроено 12 миссионерских станов, в том числе Баунтовский (в 1864 г.) в центре кочевий эвенков. В Посольском монастыре было открыто миссионерское училище для мальчиков-бурят, такая же работа велась и при миссионерских станах⁵.

В основу организации миссионерского дела были положены следующие правила: «1) Миссия состоит из священнослужителей белого или монашеского духовенства, совершенно свободных от приходских и других обязанностей, и только в крайних случаях, и притом временно, таковые обязанности могут быть поручаемы миссионерам. 2) Миссия действует через станы, которые устраиваются в местах наиболее частых и многочисленных собраний инородцев, например

при Степных думах и инородческих управах, причем необходимою принадлежностью каждого стана должны быть церковь и школа. 3) Миссия, возвещая слово Божие язычникам, прилагает особое попечение об утверждении новообращенных в истинах принятой ими св. веры и в то же время заботится о приучении их к оседлой жизни чрез водворение на особых, отведенных им земельных наделах, по возможности вблизи станов и 4) Миссия состоит под главным, ближайшим управлением епископа Селенгинского, который, имея местопребывание в главном пункте Миссии – Посольском миссионерском монастыре – и действуя во всем самостоятельно на правах начальника Миссии, в то же время находится под высшим руководством архиепископа Иркутского»⁶.

В 1880 году при архиепископе Мелетии (Якимовом) центр управления Забайкальской миссией был переведен в город Читу⁷. 12 марта 1894 года была создана Забайкальская и Нерчинская епархия, выделенная из состава Иркутской и Нерчинской епархий (вскоре переименованной в Иркутскую и Верхотенскую). Если в 1894 году на территории этой новой епархии было 200 церквей, то в 1909-м – 376, из них приходских 186, приписных 143, домовых 3, тюремных 3, кладбищенских 8, железнодорожных 2, церквей-школ 2; монастырских школ 5. Большинство церквей (около 300) были деревянные. В них несли службу 23 протоиерея, 207 иереев, 61 дьякон, 244 псаломщика. К 1920-м годам насчитывалось 490 храмов и молитвенных домов (в Бурятии – 194, в Читинской области – 296), 4 монастыря (2 мужских и 2 женских), 3 мужских скита, 2 женских подворья. В станицах, деревнях и миссионерских станах было возведено 302 часовни⁸.

В период между 1904 – 1909 годами начальником Забайкальской Духовной миссии был кандидат богословия священник Епифаний Кузнецов, впоследствии – епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии, участник собора Русской Православной Церкви 1917 – 1918 годов. Вот что пишет о нем протопресвитер М. Польский в своем исследовании «Новые мученики Российские»: «Епископ Ефрем (Епифаний Кузнецов) из забайкальских казаков. На сироту

⁵ Приведенные сведения по истории епархии и Забайкальской миссии почерпнуты из исследования А. Д. Жалсараева «Православная Церковь в Бурятии» // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2001. № 12. С. 80 – 94.

⁶ *Никольский Александр, прот.* Забайкальская Духовная миссия (1681 – 1903): Очерк из истории православной миссии в Восточной Сибири. М., 1904. С. 47.

⁷ В 1880 году кафедра епископа Селенгинского была перенесена в главный административный пункт Забайкалья, город Читу, так как паромная пристань, соединявшая Забайкальскую область с Иркутской губернией, от Посольского монастыря, расположенного на берегу Байкала, была перенесена в другое место, трактовая дорога также уклонилась от монастыря, прекратилось и телеграфное сообщение, что сильно затруднило сношения как миссионеров со своим начальником, так и последнего со светской администрацией по делам Миссии.

⁸ *Жалсараев А. Д.* Указ. соч. С. 96, 97.

мальчика-пастуха обратил внимание местный священник, сделал чтецом в церкви, отправил в Читинское Духовное училище, а потом в Иркутскую Духовную семинарию. Сделавшись священником и овдовев, поступил в Московскую Духовную академию, по окончании которой стал начальником Забайкальской Духовной миссии в г. Чите. Много обратил в христианство монголов, бурят и особенно корейцев, которых переселил в Читу и основал приход. Горячий проповедник, любимец народа, в 1916 г. стал епископом. В начале революции был арестован, но в Москве выпущен и участвовал на Соборе. Расстрелян вместе с протоиереем Восторговым». Арест епископа Ефрема был произведен 2 июня 1918 года ВЧК в Москве, на квартире отца Иоанна Восторгова, а расстрел – 5 сентября того же года⁹. Следует отметить, что оба новомученика в течение нескольких предреволюционных лет вели активную проповедническую деятельность, направленную против широко распространявшихся тогда атеизма, антимонархических настроений, социализма и коммунизма. Их твердая православная позиция, деятельный патриотизм хорошо видны из тех проповедей и статей, что публиковались в «Забайкальских Епархиальных ведомостях», «Православном благовестнике», газете «Церковность».

Фактически существование Забайкальской и Нерчинской епархий прекратилось в 1921 году, после отъезда правящего архиерея Мелетия (Заборовского) в Харбин. Формально Забайкальская и Нерчинская епархия была упразднена в 1930 году. В 1940 году в городе Улан-Удэ была закрыта последняя на территории Бурятии Свято-Троицкая православная церковь.

В апреле 1994 года решением Священного Синода Русской Православной Церкви вновь образована Читинская и Забайкальская епархия¹⁰.

* * *

Забайкальская Духовная миссия в начале XX века действовала в так называемой Забайкальской области, старинное название которой было Даурия. Область эта в соответствии с административным делением того времени находилась в Восточной Сибири, к юго-востоку от Байкала, между этим озером и китайской границей, и за-

нимала пространство в четырьеста верст ширины и до тысячи верст длины. На западе и частью на северо-западе Забайкалье граничило с Иркутской губернией, от которой отделялось Байкалом, на севере – с Якутской областью, на востоке – с Амурской, на юго-востоке и на юге – с пределами Китайской империи (собственно с Маньчжурией и Монголией¹¹).

Представляя обширное нагорье, служащее водоразделом между тремя речными системами: Амура, Лены и Енисея, – Забайкалье прорезывается с юго-запада на северо-восток Становым, или Яблоновым, хребтом с его многочисленными отрогами, которые также образуют цепь параллельно идущих более или менее высоких гор с долинами среди них. Эти долины, или так называемые пади, покрыты богатой растительностью и орошаются реками, которые имеют характер горных рек: летом, в жаркую пору, мелеют и даже иногда совсем пересыхают, но после сильных дождей и весной, в половодье, бурлят и пенятся, с неимоверной силой сокрушая и увлекая все, встречающееся на пути их бурного течения. В южной, юго-восточной и юго-западной частях Забайкалья находятся степные пространства, раскинувшиеся по течению рек Аргуни и Онона. Большая Монгольская пустыня Гоби своим северо-восточным краем вдается в эту часть Забайкалья.

Климат Забайкалья – континентальный со всеми его особенностями, то есть сухостью воздуха и резкими колебаниями температуры. Морозы иногда доходят до 50° по Цельсию. При всем том этот климат – вполне здоровый по причине горного воздуха, обилия хвойных лесов и почти полного отсутствия болот в Забайкалье.

В административном отношении Забайкальская область разделялась на восемь округов: Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский, Троицкосавский, Читинский, Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской. Кроме того, на четыре отдела была разделена территория Забайкальского казачьего войска. На территории Забайкалья проживало несколько этносов: русские, буряты, эвенки (тунгусы и орохоны), немного евреев и др. По отчету Миссии за 1901 год, в Забайкальской епархии жило около 618 тыс. душ обоего пола¹². Большинство населения составля-

⁹ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. М., 1994 // Репр. Джорданвилль, 1949 – 1957. Ч. 1. С. 178, 187 – 192.

¹⁰ Жалсараев А. Д. Указ. соч. С. 97 – 98, 102.

¹¹ Маньчжурия – историческое наименование северо-восточной части Китая, иногда употребляемое в русском языке, в КНР эта территория называется Дунбэй (то есть Северо-Восток). Монголия – историческая область, населенная монголами. В период господства в Китайской империи маньчжурской династии Цин (1644 – 1911) разделилась на Монголию Внутреннюю и Внешнюю. В 1758 году территория Монголии полностью вошла в состав Китайской империи. В результате Монгольской народной революции 1921 года на территории Внешней Монголии возникло независимое Монгольское народное государство, а с 1924 года – Монгольская народная республика.

¹² Булгаков, свящ. О современных нуждах Забайкальской Духовной миссии: Извлечение из Отчета о командировке в Забайкальскую область летом (23 июля – 23 августа 1905 г.). Владивосток, 1907. С. 41.

ли русские, по вероисповеданию – православные.

Общая численность бурят в Забайкалье в начале XX века была 170 тыс. 849 человек. Основное их количество проживало в Баргузинском, Верхнеудинском и Селенгинском округах (142 тыс. 154 человека), в Троицкосавском, Читинском и Акшинском – 26 тыс. 791 человек, а меньше всего – в Нерчинском (227 человек) и Нерчинско-Заводском (123 человека) округах¹³. Основная масса бурят исповедовала ламаизм (течение тибетского происхождения внутри ваджраяны – одного из трех направлений буддизма), некоторая часть приняла православие, и небольшое количество оставалось шаманистами.

Другим сравнительно немногочисленным народом, обитавшим в Забайкалье, были тунгусы (эвенки). Центром их территории считалось пространство между Байкалом и Леною, где они тесно соседствовали на юге с бурятами и русскими, а на севере – с якутами. Тунгусы в тот период делились на *оседлых*, *скотоводных* (степных) и *бродячих*. Оседлые, не вошедшие в состав русских поселений, проживали в Нерчинском округе Забайкальской области и занимались сельским хозяйством (землепашеством). Они были преимущественно православными. Численность их составляла около 2 тыс. человек.

Тунгусы делились на ведомства, последние на роды, во главе которых стояли старосты, являвшиеся посредниками между ними и государственной администрацией. Самым обширным тунгусским ведомством было ведомство князя Гантимурова, Урульгинской Степной думы. Все оно лежало за Яблоновым хребтом, но одной определенной территории здесь не имело, а принадлежащие к нему эвенки жили рассеянно между русскими и бурятами. Впрочем, названное ведомство заметной полосой тянулось с северо-востока на юго-запад.

Кроме ведомства князя Гантимурова за Байкалом существовали еще два небольших тунгусских ведомства: Арматской инородческой управы и Баргузинской. Баргузинские тунгусы жили частью около своей инородческой управы. Известные также под именем *мурчён*, то есть конных, в отличие от тунгусов-*орочён* (*орочон*), то есть оленных, они сохранили свой язык и шаманизм. Некоторое количество эвенков приняло ламаизм. На момент начала XX века, даже с приблизительной точностью, не было определе-

но количество тунгусского народонаселения в Забайкалье: одни полагали, что оно едва ли превышало 10 тыс. человек¹⁴, а другие называли цифру 20 тыс.¹⁵

Эвенки относятся к тунгусо-маньчжурским народам, из которых именно они расселены наиболее дисперсно на громадной территории: от реки Оби на западе до Тихого океана на востоке, от северных районов Якутии до южных провинций Маньчжурии (Северно-Восточного Китая). Эвенки в наше время, наряду с общим, имеют и другие локальные самоназвания и различаются по особенностям языка. Они принадлежат к наиболее изученным этносам Сибири, Китая и Монголии. На территории России их проживает около 28 – 30 тыс. человек, в КНР – свыше 20 тыс. В советское время эвенки были зарегистрированы как отдельный этнос, хотя есть мнение, что они представляют собой скорее этнолингвистическое единство, состоящее из нескольких этнических единиц. Из прошлого единства в СССР были выделены эвены в качестве отдельного этноса со своим языком, но другие группы, например оро-чоны (в источнике – орочёны), не получили такого же статуса. Однако в Китае оро-чоны выделены в самостоятельный этнос¹⁶. В регионах своего проживания эвенки контактируют в основном с русскими, якутами и бурятами. Русский язык является языком межнационального общения, повсеместно наблюдается двуязычие, иногда – трехязычие, хотя знание якутского и бурятского ограничивается диалектными уровнями. Повсеместно отмечается тенденция утраты родного языка. В районах Бурятии родным языком владеют 12 – 15% эвенков¹⁷.

* * *

В 1903 году Забайкальская Духовная миссия имела 18 станов и 7 так называемых сотрудничеств, то есть в это время семь приходских священников привлекались за известное вознаграждение к участию в миссионерской деятельности.

Вышеуказанные 18 станов и 7 сотрудничеств по уездам Забайкальской епархии были расположены так: 1) в Читинском округе станы: Агинский, Бургенский, Иргэнский и Верхне-Читинское сотрудничество; 2) в Верхнеудинском уезде станы: Анинский, Новокурбинский, Ташоланский, Тарбагатайский, Тугнуйский и Укырское сотрудничество; 3) в Селенгинском уезде станы:

¹³ Никольский Александр, *прот.* Указ. соч. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Булгаков, *свящ.* Указ. соч. С. 41.

¹⁶ Решетов А. М. Расселение и классификация тунгусо-маньчжурских народов (состояние и проблемы изучения) // Культура народов Сибири. СПб., 1997. С. 54.

¹⁷ Петров А. А. Лексика духовной культуры тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы, солонь). СПб., 1997. С. 9.

Селенгинский и Кударинский; 4) в Троицкосавском уезде станы: Цаган-Усунский и Цакирский и сотрудничества: Иламское и Дуланское; 5) в Баргузинском уезде станы: Курумкано-Гаргинский, Улюнский и Богдаринский; 6) в Акшинском уезде станы: Кужертаевский, Бырцынский и Ононский и сотрудничества: Мангутское и Цаган-Олуевское и 7) в Нерчинском уезде Зюльзинское сотрудничество¹⁸.

Публикуемый в этом номере дневник сотрудника Забайкальской миссии отца Никандра Титова был начат 19 февраля 1904 года и закончен 6 декабря 1911-го. Как следует из названия дневника, его автор был священником Зюльзинской Предтеченской церкви, то есть сотрудничал в Миссии, оставаясь приходским священником, а не был штатным миссионером, работающим в стане. Поселок Зюльза так же, как и упоминаемые в дневнике улусы Кыкэр, Акиминский, село Зюльзинкан, находился в Нерчинском округе. Здесь, как сказано выше, проживали русские крестьяне, буряты (в количестве 227 человек) и около 2 тыс. оседлых эвенков. Кочевали здесь и орочны – оленные эвенки, изначально по религиозной принадлежности шаманисты, половину которых, однако, к тому времени составляли крещеные в православие. Ороchon (орочён) в Зюльзинской волости, по словам самого автора дневника, насчитывалось около 1000 человек обоего пола.

Читателю предлагается не весь документ, в котором 155 листов, а избранные места из него, характеризующие деятельность священника с разных сторон. Весь дневник хотя и интересен для прочтения, но содержит некоторые повторы, постоянные перечисления занятий и переездов миссионера и другую однообразную информацию, которую следовало помещать проповеднику православия в своем отчете в вышестоящие духовные органы.

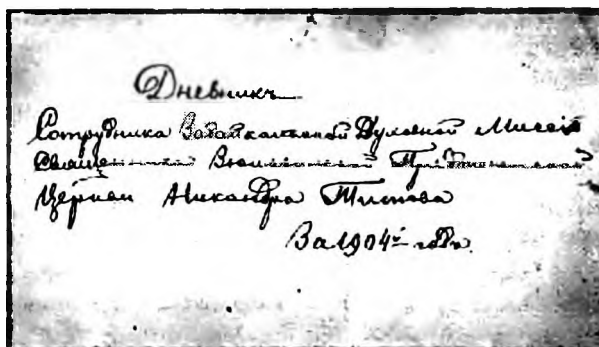
Частично дневник был опубликован в миссионерском журнале «Православный благовестник» в 1905 году (№ 5 – 7)¹⁹. Здесь, лишь с небольшими пробелами, излагается описание миссионерской поездки священника Никандра Титова в Усть-

Олгондоконскую тайгу по реке Витиму в феврале – марте 1904 года к орочам – крещеным и некрещеным. Рассказ об этой поездке в архивном документе содержится трижды: тексты листов 1 – 22, 23 – 35 и 146 – 155 об. Первый является, видимо, непосредственно подлинным дневником, который вел миссионер во время поездки день за днем. Второй содержит информацию общего характера, начинается он характеристикой Зюльзинской волости в отношении ее географии, природных условий и этноконфессионального состава населения. Здесь отец Никандр более сжато повествует о событиях своей поездки, но, в отличие от первого варианта, делает важные с этнографической точки зрения описания поведения, внешности эвенков-орочон, их отношения к личности священника и к проповеди христианства.

В 1905 году в журнале «Православный благовестник» был опубликован первый вариант описания этой поездки священника Никандра Титова, однако его предваряет характеристика Зюльзинской во-

лости, содержащаяся во втором варианте, – на листах 23 – 29 об. документа. Именно этот текст, составленный из первого и начальной части второго варианта, находится на листах 146 – 155 об. источника и имеет следы литературной правки.

Мы помещаем здесь полностью второй вариант этого дневника за 1904 год, начинающийся, как указано выше, с рассказа о природных и географических условиях Зюльзинской волости, характеристики ее этнического состава, кратко и обобщенно освещающий основные события поездки и содержащий своеобразные и остроумные характеристики быта ороchon. Дневник написан живым языком, принадлежит автору, не лишенному наблюдательности и любви к своему делу и тем людям, среди которых он служит и проповедует. Замечания о быте местного нерусского населения, к некоторым сторонам которого миссионер относится критически, сделаны им с такой теплотой и сочувствием, что вполне видно участливое отношение священника к судьбе эвенкийского народа. Как и вообще русские православные миссионеры, отец Никандр соединя-

Обложка дневника миссионера отца Никандра Титова

¹⁸ Никольский Александр, прот. Указ. соч. С. 52.

¹⁹ Другая публикация дневника: Титов Никандр, свящ. Миссионерская поездка сотрудника Забайкальской Духовной миссии – священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова в Усть-Олгондоконскую тайгу по реке Витиму: (Из рапорта о. сотрудника и д. начальника Миссии) // Забайкальские Епархиальные ведомости. Чита, 1905. № 1 – 2. С. 1 – 7; № 3 – 4. С. 17 – 36. Часть неофициальная.

ет возможность дальнейшего культурного развития этого сибирского народа с необходимостью просвещения его истинами христианской веры. Одновременно замечается уважительное отношение язычников и христиан-эвенков к отцу Никандру как проповеднику слова Божия, носителю благодати священства и просто хорошему русскому человеку, по-отечески доброжелательно (а не с корыстной целью, хищнически) обращающемуся с ними.

Другой отрывок из дневника священника Никандра Титова, помещаемый нами и содержащийся на листах 83 – 118 об. архивного документа, освещает его деятельность среди уже крещеных, обруселых инородцев-тунгусов (тоже эвенков), живших оседло. Это рассказ о совершенном летом 1907 года по инициативе местных христиан-инородцев крестном ходе с иконами из Зюльзы, где была Предтеченская церковь, в улус Кыкэрский, где церкви не было. Улус Кыкэрский находился более чем в 100 верстах от поселка Зюльза. Перенесение икон предпринималось для освящения пространства и с целью вымолить у Бога дождь. Местные жители имели уже такой опыт моления о дожде, когда, как следует из источника, приносили из Зюльзы иконы в 1901 году, и после водосвятного молебна на озере, из которого кыкэрцы употребляли воду, пошел долгожданный обильный дождь. Крестный ход 1907 года побывал и в улусе Акиминском, отстоявшем примерно в 20 верстах от Кыкэра, также по просьбе местных жителей. В обоих улусах была совершена Божественная литургия, местные христиане приобщены Святых Христовых Таин.

Далее в дневнике за 1907 год содержится рассказ о традиционном в этой местности праздновании дня св. великомученицы Параскевы в 9-ю пятницу по Пасхе. Торжество проходило в селе Зюльзикан, куда к этому дню с крестным ходом из Зюльзы возвращалась чтимая икона св. Параскевы, переносимая в Зюльзу к Святой Пасхе.

Таким образом, в целом представляемые здесь фрагменты дневника забайкальского священника-миссионера содержат информацию о разносторонней деятельности последнего. Во-первых, это проповедь среди язычников-шаманистов с целью обращения их в христианство, во-вторых – дальние и тяжелые физические посещения рассеянных по тайге и горам улусов христиан-кочевников, долгие годы не видевших священника и не получавших церковного окормления, и, в-третьих – вполне упорядоченное, имеющее уже свою традицию служение среди христиан-инородцев в качестве приходского священника.

В совокупности все приведенные фрагменты источника раскрывают смысл деятельности миссионера-священника среди одного из народов Сибири. Это деятельность не только чисто проповедническая, но и нравственно-просветительская, воспитательная, направленная на утверждение в умах и сердцах местных христиан-инородцев подлинной веры, а также искреннего патриотизма.

Важен и тот образ православных верующих эвенков, который вырисовывается из материалов документа. В части, касающейся орошон, он отличается наивностью выражения своих религиозных чувств в поведении, неустойчивостью в приверженности христианской вере. Оседлые же тунгусы-христиане, судя по тексту источника, ведут себя совершенно так же, как и давние православные христиане русские. Они сами проявляют инициативу в вопросе проведения крестного хода и молебнов, они рады потрудиться, участвуя в многодневном, трудном перенесении икон, они радостно встречают последние в своих селах и улусах, и, что самое главное, местные христиане не пренебрегают участием в Божественной литургии и причащением Святых Христовых Таин.

Подлинный миссионерский дневник священника Никандра Титова публикуется с сохранением особенностей авторской речи; лишь в тех случаях, где он допустил явную опisku, мы позволили себе внести редакторскую правку. Приведены в соответствие с современными нормами литературного языка и устаревшие грамматические формы слов – окончания некоторых существительных и прилагательных. По-новому проставлены знаки препинания, что облегчает современному читателю восприятие текста. Там, где была необходимость в редактировании путем вставки какого-либо слова, новое слово, отсутствующее в источнике, помещено в квадратные скобки.

Надеемся, что публикация данного источника будет интересна этнографам, культурологам, религиоведам, ученым, изучающим историю Русской Православной Церкви и ее деятельность в Сибири, среди автохтонного населения, и конечно же самим современным священникам-миссионерам. Следует утверждать, что имеющийся в нашей Церкви опыт проповеди христианства в иноверной и инокультурной среде достаточно богат, заслуживает внимания как ученых, так и практиков христианского просветительства, однако недостаточно известен и изучен. Недостаточно учитывается роль православия при исследовании быта и этнической культуры народов Сибири.

1. Православный благовестник.
М., 1905. Т. 1. № 5.
С. 219 – 224

Забайкальские орочёны

*Из рапорта сотрудника Забайкальской Духовной миссии, священника
Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова,
о своей миссионерской поездке в Усть-Олгондоконскую тайгу по реке Витим*

Район Зюльзинского сотрудничества занимает площадь, раскинувшуюся с востока на запад на 1500 верст и с юга на север – на 700 верст, центр ее покрыт разнообразным лесом, горами с утесистыми ущельями, падами и отпадками, с реками и речками, изобилующими рыбою. В горах и ущельях водятся пушные звери и зверьки, особенно белка, которая отличается, например, от амурской своею доброкачеством и большею пушностью. Тайга раскинулась по системам рек: Нерчи, Ульдурги, Акимы, Витима, Каранги, Ципы, Куенги, Амалата и другим, районы которых и получили их названия. По этим тайгам орочёны (инородцы) бродят за зверем круглый год, оставаясь на одном месте до тех пор, пока есть возможность убить зверя для пропитания; по уничтожении его орочён приказывает своей жене кочевать с юртой (летом устроенной из бересты, вываренной в воде; а зимою – из шкуры зверя) в указанную им местность, где она должна ожидать его прибытия, а сам хозяин со своими домочадцами, способными к стрельбе, не исключая и женского пола, отправляется по непроходимой тайге на оленях за зверем, держа направление к указанной стоянке. Жена его тоже при переводе юрты стреляет попавшегося зверя; а по прибытии на указанный пункт она немедленно нарубает тоненьких шестов своим примитивным кинжалом, или, правильнее сказать, длинным ножом, рукоятка которого обвита берестой; из шестов делает основание конусообразной юрты и сверху покрывает пластами: летом – бересты (по-орочёнски называемыми тукшами), а зимой – звериными шкурами, сохатого (лося) и другими, сшитыми полосами наподобие наших половиков, шириной приблизительно аршина по два. Шкуры эти замечательно легко выделаны и без шерсти, которая сбивается орочёнами для подушек. Затем хозяйка юрты разводит посередине юрты костер, дым от которого проходит в оставленное вверху отверстие, и приготовляет для своей семьи чай с оленьим молоком, замечательно густым и очень вкусным, и улонами, то есть лепешками из ячменной или пшеничной муки, испеченными или в пепле, или на сковородке при костре. Тесто готовится на холодной воде и делается или жидким для поджаривания на

сковородке, или густым, лепешки из которого загребают в горячий пепел, где они выпекаются и употребляются неприхотливыми дикарями, хотя от этого хлеба страдают желудочными болезнями. Между тем приходит к юрте и глава семьи с добычею, и начинается семейный праздник, состоящий в непрерывном варении мяса убитого зверя, пока не съедят всего. Если орочёны возвращаются с убитым медведем, тогда находящиеся в юрте встречают его с криками, похожими на карканье ворон, и, прежде чем употребить в пищу, отрезают у него части носа, конечности ушей, позвоночного столба, хвоста и ног и все это кладут на древесные ветви и несут хоронить, приговаривая: «Не мы тебя убили, а русские»; когда же едят мясо убитого медведя, то приговаривают: «Не мы тебя ели, а вороны». Это делается, по мнению орочён, для того, чтобы обмануть убитого медведя и избавиться от мщения его собратий.

Потом отправляются далее, запасаясь на дороге «кукурой», то есть мясом же зверя, нарезанным тонкими прутьями и немного поджаренным над костром и высушенным на солнце, чтобы оно не портилось в летние жары. Летом орочёны употребляют в пищу ягоды, особенно много они собирают брусники, которую ссыпают в особые лари, называемые по-орочёнски «сайвы», где она и хранится до зимы, а потом сбывается русским торговцам.

Кроме звероловства орочёны занимаются рыболовством; женщины же – выделкой шкур и шитьем из них одежды, причем обнаруживают свое искусство вышиванием вместо ниток жилами зверя азиатских узоров и сшиванием из лап, голов и ушей звериных оригинальных ковриков, называемых по-орочёнски «кумыланами», когда они имеют форму двух кругов, соединенных вместе, и – «гыркэлунами», имеющими форму продолговатого четырехугольника. Эти коврики служат орочёнам постелью, и они же подстилаются под седло оленя. Орочёны ухитряются сшивать жилками зверя берестяную посуду, приспособленную для перевозки на верховых оленях и называемую «камычинами»; из шкур же шьют они особого рода мешки, называемые «нотами» и приспособленные для перевозки в них муки и

проч. багажа, – для чего две ноты соединяются ремнями и перекидываются через седло оленя по обе стороны. Малолетних детей орочёны перевозят на оленях в особого устройства люльке, привешиваемой к бокам оленя, в которой орочённое дитя во все время перекочевки находится в сидячем положении, от чего у многих детей образуется на спине горб, и такое дитя, достигши совершеннолетия, с виду кажется возмужалым, а ростом бывает с восьмилетнее дитя, и притом такой орочён или орочёнка почти всегда бывают с большой головой, коротким туловищем и очень длинными ногами; а те дети, которые крепко могут сидеть, садятся в седло и для безопасности привязываются к нему ремнями.

Обстановка орочёнской жизни грязна, бедна и неудобна. От этого у них свирепствуют разные болезни, особенно сибирская язва и чума, от которых за последнее время масса вымерла как орочён, так и оленей, неразлучных и незаменимых для тайги. Взамен пропавших оленей от казны им были выданы лошади, но лошади не могут заменить оленей, уже по одному тому, что не могут питаться мхом, растущим на скалах и деревьях и составляющим главную пищу последних. Только за неимением мха едят олени листья березы, тальника, ерника и весной молодую траву. Старую траву олень ест только по необходимости. Затем олени свободно переносят своих обладателей по непроходимой тайге, где встречаются зыбкие болота, крутые, скалистые горы, покрытые густым, девственным лесом, что для лошади невозможно. Притом олень очень кроток и привязывается к своему хозяину. Каждая семья орочён живет круглый год отдельно, собираясь вместе несколько раз на больджор, то есть ярмарку, куда приезжают русские торговцы и обруселые, оседлые инородцы со своими товарами, как-то: мукой, маслом, свинцом, порохом, берданами, патронами, водкой и проч. Последняя служит средством обирания простодушных дикарей, причем обмен происходит следующим образом: предварительно купцы, угостив водкой орочёна, обирают у него всю пушнину и снабжают своим товаром по весьма солидным ценам.

На больджорах, когда большинство орочён перепьется, начинаются картежные игры и неизбежные с ними драки и брань. В пьяном виде орочёны проявляют все свои зверские инстинкты. Молодежь веселится следующим образом: сходятся к костру, и орочёны с орочёнками, взявшись за руки, образуют около него круг и начинают свой излюбленный танец, притопывая ногами на месте, поют: «ё хор ё», ускоряя темп танца все чаще и чаще, доходя до исступления, так что,

глядя со стороны на все это в ночной мгле, видишь что-то дикое, фантастическое. После окончания танца почти все орочёны, не исключая и женщин, напиваются, и оргия, в которой принимают участие и русские торговцы, доходит до чудовищных размеров. На больджор являются и шаманы (орочённые жрецы) с целью наживы от доверчивых орочён при лечении больных, что происходит следующим образом: избирается самый тучный олень для заклания, причем кровь животного, смешанная с водкой, выпивается больным, предварительно несколько капель ее брызгают в воздух для умиловления злых духов. При этой процедуре шаман одевается в особый кожаный костюм, сделанный из звериных шкур и украшенный ремнями (с изображением на них разных зверей), нашитыми вдоль всего костюма, с привешенными металлическими побрякушками, в одной руке имеет жгут, в другой – бубен, а на лице – металлическую медную маску с приделанными к голове рогами; при этом шаман, прыгая, бормоча бессвязные фразы, кривляясь и ударяя в бубен, стремится в огонь, желая этим доказать свое могущество пред наивными дикарями, потом падает на землю как бы в припадке и бьется в судорогах. По уверению орочён, душа шамана в это время расстается с телом и якобы видит загробную жизнь и витает в отдаленных местах. Через некоторое время шаман встает, здоровается со всеми находящимися приветствием «менду», то есть «здравствуй», и предсказывает – кому благополучие, кому несчастье; причем делается чучело, изображающее больного орочёна, и сжигается с уверением, что болезнь покинет больного. Идоложертвенное мясо съедается присутствующими, причем малая часть мяса, в умиловление боже-ства, кладется пред шивыкэном, то есть идолом, неуклюже сделанным из дерева, со стеклянными глазами и медной физиономией. Большая же часть мяса поступает в пользу шамана, что и поощряет его энергию удерживать орочён в язычестве, всеми мерами отклоняя от христианства.

Число орочён в Зюльзинском районе достигает приблизительно до 1000 душ обоего пола. Говорят они на своем, не имеющем письменности, наречии и отличаются скудостью умственного кругозора, хотя многие из них говорят и по-русски. Более половины орочён Зюльзинского сотрудничества православного вероисповедания, а остальные – ярые язычники-шаманисты, избегающие крещения по настоянию шаманов, которые и православных орочён склоняют к участию в шаманстве, в чем иногда и успевают, к сожалению, благодаря отдаленности православного свя-

щенника, который мог бы наставлять их в правилах веры и благочестия и оберегать от влияния шаманов. По этой же причине большинство православных орочён живут в браках по языческому обычаю.

Умерших православные орочёны зарывают в землю; язычники же гроб с покойником оставляют на поверхности земли, ставя на четыре полуторааршинных столба. В гроб покойнику [язычники] кладут чашку, котелок для чая, трубку, кисет с табаком и другие вещи, которые, по их понятию, могут пригодиться в загробной жизни, причем зашивают умерших в саван из материи или звериных шкур. Вообще мрак суеверия между орочёнами сильно развит, и только специально назначенный к ним священник-мисси-

онер мог бы удержать от полного религиозного невежества, да, кстати, охранять от обирательства торговцев, спаивающих для этой цели доверчивых дикарей, а также приучать их к оседлости и руководить ими при ведении хозяйства. Приходской же священник, имея в своем приходе при церкви четыре церковноприходские школы, которыми он заведует, и состоит законоучителем в 1-й церковноприходской школе и в 2-классном министерском училище, не может так часто их посещать по отдаленности и не может быть их не только руководителем в христианской жизни, но и своевременным исполнителем их духовных треб, отчего православные орочёны по несколько лет не исполняют исповеди и св. причастия и не крестят своих детей.

II. Православный благовестник.
М., 1905. Т. 1. № 6. С. 259
(Продолжение)

В 1902-м и 1903 годах некоторые бродячие орочёны сами обращались ко мне с просьбою о посещении их отдаленной тайги для исполнения у них духовных треб, ибо более 12 лет они не видели священника, и я, по докладе о том преосвященному Мефодию, был назначен совершить миссионерскую поездку к орочёнам²⁰.

Уже с ноября месяца 1903 года начал я готовиться к означенной поездке, закупив нужные вещи, как-то: иконы, крестики, гайтаны, свечи, ладан, рубашки крестильные и другие вещи – для раздачи беднейшим орочёнам; а также, зная, как грязны и невообразимо тесны помещения орочён, я для совершения треб заказал особую полотняную палатку с железной печью, в каковой и жил во все время моей поездки, спасаясь в ней от лютых 40° [сорокаградусных] морозов усиленной топкой печи; в палатке помещались складные: кровать, стол для разложения на нем крестильного прибора во время совершения святого таинства крещения и стул для постановки на нем купели. Спал в мешке, сшитом из собачьих выделанных меховых шкур, которые преимущественно пред другими мехами имеют свойство быстро согревать. Также на всякий случай мною были приобретены кинжал и револьвер. С целью лучшей защиты от мороза я сшил специально для настоящей миссионерской поездки меховую куртку и меховые брюки.

Палатка миссионера «с железной печью и другими принадлежностями, необходимыми при миссионерских поездках по тайге к орочёнам зимою, где он укрывался ночью от свыше 40° мороза, а днем совершал духовные требы и литургию». Л. 102

²⁰ На расходы по этой поездке Советом Православного Миссионерского общества было ассигновано особо 800 р. – *Ред. «Православного благовестника».*

III. ГАРФ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 41.
Л. 29 об. – 35

19 февраля 1904 года мы отправились в путь вверх по р. Нерче до улуса Кыкэрского, состоящего из 20 домохозяев, уже обруселых инородцев, где выполнил требы в местной церковно-приходской школе.

Далее ехали по р. Нерче, потом свернули в сторону по маленькой речке Жукдэкай и взяли направление на север. С этого места началась непроходимая, безлюдная тайга. 24 февраля перевалили через Яблоновый – Становой – хребет по глубокому снегу, при отсутствии воды для лошадей, за неимением каковой лошади ели снег и падали от изнурения при езде по глубокому снегу и скалистой дороге. Потом направились по реке Бугарикте и рекам Каранге и Витиму. На Усть-Каранге я встретил до 100 душ орочён обоого пола, выполнил духовные требы и проехал на паре оленей в саних до больджора Усть-Олгондоконской тайги 120 верст, где собравшихся орочён обоого пола было до 450 душ, юрты которых были рассеяны в окрестностях больджора, в тайге, верст на 12, приходилось их объезжать по отдельности. На Усть-Олгондоконский больджор (ярмарку) не замедлили явиться русские и обруселые инородцы со своими товарами, как-то: мукой, порохом, свинцом, патронами для бердян и проч., особенное внимание орочён было обращено на привезенную водку, за которую они платили не торгуясь. Больджор носил праздничный характер. Все орочёны переменили свои обычные, из звериных шкур, загрязненные костюмы на более приличные, некоторые из них оделись даже в пальто, брюки, сапоги и русскую шапку, привешивая даже серебряные часы, хотя пользоваться ими не умели. Особенно женщины и девушки постарались о своих нарядах, одевшись в свои национальные, некоторые даже шелковые, костюмы, разных ярких цветов, с большими, светлыми металлическими пуговицами, имея на голове по несколько платков, и с поясами, украшенными металлическими бляхами.

Все орочёны и орочёнки имели в руках свои товары, как-то: связки беличьих шкур, собольих, кабарги, оленя и так называемую струю (пуповина кабарги, идущая на лекарство и приготовление духов как издающая благоухание и продающаяся от 3 до 5 руб. за штуку), связки звериных лап, кумыланов, гыркэлунов и проч.

Вышеозначенные товары при могуществе водки быстро и по дешевой цене переходили в руки прибывших торговцев, и орочёны, воздав обильное возлияние бахусу, уже бесцельно бро-

дили по таборам и юртам, разукрашенным вывешенными яркими, пестрыми платками, шумели, галдели, ругались и дрались.

Выждав затишья, я спешил исполнить духовные требы орочён и привлечь в христианство язычников, беседуя с ними о преимуществе православия. Подготовленных к таинству я собирал в свою палатку для совершения крещения; если же они по многочисленности не вмещались в нее, тогда, по моему предложению, в лесу разводились костры, около которых ставились складные столы для креста и крещального прибора и стул для постановки купели. Готовящиеся ко крещению с восприимниками становились около костров, и совершалось крещение под открытым небом, при 40° [сорокаградусном] морозе. Получалось что-то необыкновенное, духовно торжественное, когда многочисленный сонм новокрещеных орочён с их восприимниками обходил кругом купели и костров при пении: «Елицы во Христа крестистесь...», имея в руках зажженные свечи и в праздничном, духовно радостном настроении. Невольно вспоминалось при этом Крещение Руси.

При помазании орочён елеем и миром я поражаюсь нечистоплотности их: тело было покрыто слоем грязи и издавало зловоние, особенно у детей, одетых в сплошной кабаржий или козий меховой костюм, т. е. унты (обувь), штаны, куртку, рукавицы и шапку, – все это сшитое вместе, причем для рук на конце рукавов имеются отверстия, этот костюм наглухо застегивается пуговицами, и в нем от экскрементов дитяти получается что-то вроде крепкого нюхательного нашатырного спирта, невыносимого для непривычного носа.

Венчание браков совершалось также или в палатке, или под открытым небом, причем невесты до того были внимательны к своему туалету, что надевали на голову до 3 и даже до 4 шелковых платков, приходилось уменьшать их головные украшения, чтобы надеть венцы. Повенчанные попарно подходили ко мне под благословение, прищепывая правой рукой по левой, и вместо целования руки протягивались для троекратного лобызания меня, на что я им замечал, что при благословении следует целовать руку священника, а не уста; после этого они уже, сложив руки для принятия благословения, чинно подходили ко мне, целую руку, и в такой же позе подходили и к присутствующим при венчании русским и обруселым инородцам-тунгусам и своим собратьям-орочёнам, целую и у них руку.

По исповедании и причащении до 100 бродячих орочён я попросил орочёнского родового ду-

рагу (старосту) дать мне оленей с проводником для посещения орочёнских юрт, расположенных на 12 верст от больджора, в недоступных для проезда на лошадях местах, где растёт светло-зеленый мох для корма оленей (а по больджорам его нет, так что нечем кормить оленей), куда и отправился на паре оленей, запряженных в нарты (легкие и узкие открытые сани), в сопровождении 3 орочён. Один из них вел оленей, а двое поддерживали с обеих сторон сани при езде по кочковатой, каменистой горной местности, без всякой тропинки, по глубокому снегу, причем нередко сани опрокидывались, и я вылетал из них в снег. В недоступных для проезда местах оставляли оленей и добирались до юрт пешком, вверх по крутым горам, откуда возвращались к оленям, кубарем скатываясь с горы по мягкому снегу, или стоя на ногах катились, держась друг за друга и за попадавшие на пути деревья.

Во время этой экспедиции я надевал специально для сего сшитые меховые куртку и брюки. При вышеозначенных неудобствах посещения только 11 юрт, обитатели которых выходили для встречи из юрт и, приняв благословение, обычно пришеднув правой рукой по левой, помогали мне брести по глубокому снегу, поддерживая под руки.

По входе в юрту, пред иконами с возжженными восковыми свечами, я пел тропарь и кондак Святому Кресту, причем вся семья молилась с земными поклонами и подходила для лобызания Святого Креста. Затем хозяин юрты постилал на землю в передней части юрты кумылан или гыркэлун (коврик), приглашая отдохнуть и угоститься чаем с рыбными пирогами и калачами, привезенными русскими торговцами, или своими улонами – крупчатными лепешками, о которых я говорил выше.

Вся семья обычно усаживалась кругом костра, разведенного посредине юрты, образуя круг и внимательно слушая мою беседу о предметах веры и благочестия, выпрашивая о новостях вроде того: здоров ли царь? народ? хорош ли урожай? какая цена на пушнину? нет ли войны и проч.? По сообщении орочёнам о начавшейся войне с японцами и предложении усердно мо-

литься о даровании победы над врагами они сочувственно и испуганно восклицали: «Это беда, худа бачика, нада молиться, а то все пропадет, ой, беда, чиста беда, оборони Бок».

Вообще в орочёнских юртах и таборах грязная, неприглядная обстановка, вызывающая сожаление к дикарям, но они настолько свыклись с нею, что не желают переменить ее на оседлую, хотя нередко борются с грозными северными морозами, испытывая ужасные лишения в пище от неудачного звероловства.

На больджоре беднейших орочён я оделял крестиками, иконами, восковыми свечами, ладаном, просфорами, лекарством из гомеопатической аптеки, бельем, платками, ситцем и одеждой. По получении этих, как они называют, «гостинцев» (подарков) выражали благодарность в следующих словах: «Пашибо, бачика, пашибо, пшибко пашибо» (спасибо, батюшка, большое), причем обе руки, соединенные ладонями вместе, поднимали ко лбу, означая этим жестом глубокую благодарность, подтверждаемую поднесением мне кумылана, за который я обыкновенно платил. Благословив юных, доверчивых христиан на их обычный жизненный путь и сделав последнее посильное наставление им в вере и благочестии, при отъезде я любовался на их оленей, бряцающих подвзя-

занными к шее колокольчиками и быстро уносящих своих всадников по непроходимой, девственной тайге за зверем.

Всего пройдено на лошадях и оленях вперед и обратно 1200 верст в 26 дней. Результат миссионерской поездки следующий: окрещено детей православных орочён обоего пола 75, просвещено святым крещением язычников обоего пола 56, совершено браков 25, исповедано и причащено около 100 человек и совершено 6 обрядов отпевания. Подробности этой поездки вперед и обратно изложены в прилагаемом при сем Дневнике.

По возвращении 15 марта в Зюльзу я почувствовал сильный ревматизм во всем организме, полученный мною за миссионерскую поездку, при ночлеге в палатке, а потому с 20 мая и по сие время лечусь на Колтомоёйконском минеральном источнике, и до сих пор болезнь не уступает лечению.

«Сотрудник Забайкальской Духовной миссии, священник Зюльзинской Предтеченской церкви Никандр Михайлов Титов, в меховом костюме, при миссионерской поездке в тайге, сверх которого при требовании он надевает рясу, снимая ее при пешеходном по глубокому снегу и лесным скалам, в руке саквояж с ризницею». Л. 102

1904 года июля 7 дня
С. Зюльза

Сотрудник Забайкальской Духовной миссии,
священник Зюльзинской Предтеченской
церкви Никандр Титов

30 мая 1907. Пришел ко мне тунгус Кыкэрского улуса Григорий Иоаннов Простокишин с пакетом, в котором заключалась просьба тунгусов Кыкэрского улуса о разрешении поднять к ним св. иконы из Зюльзинского храма для низведения на них чрез принесение означенных святых икон милостей Божиих, особенно дождя, столь нужного для погибающей растительности вследствие продолжающейся засухи. Душевно радуясь проявлению такой веры и усердия к Св. Церкви, я охотно согласился исполнить желание улусян по возвращении моем из г. Читы, куда я завтра же собрался выезжать по делам, не терпящим отлагательства, а кстати попрошу разрешения Начальника Духовной миссии на предстоящий крестный ход в улусы Кыкэрский и Акиминский, отстоящие от Зюльзы более 100 верст. При этом я просил просителя объявить, что к участию в крестном ходе с моей стороны будет приглашен и Начальник Миссии о. прот. Епифаний Кузнецов и на ночлегах в тайге будут совершаться литургии в специально для сего приспособленной палатке, на походном антиминсе, еще в минувшем году исходатайствованном мною для совершения Божественной евхаристии в тайге, под открытым небом, на камне, пне и другом месте или в домах улусян. Предполагая вернуться из Читы через неделю, я просил улусян прибыть в Зюльзу за св. иконами приблизительно к празднику Св. Троицы (к 10 июня), где в местном храме выслушать Божественную службу и умиловительные молитвы, читаемые в этот день с коленопреклонением на вечерне, после литургии, а потом в день Св. Духа, т. е. 11 июня, после литургии, если не встретится уважительных причин, обещал отправиться с крестным ходом в улус Кыкэрский.

8 июня 1907. Возвратившись из Читы, я узнал, что мужчины, женщины и девицы Кыкэрского улуса несколько дней ожидают моего возвращения в Зюльзе, куда они приплыли на плотах за святыми иконами.

9 июня. Я предложил кыкэрцам помолиться в день Св. Пятидесятницы в местном храме, обещая назавтра, в день Св. Духа, по литургии направиться крестным ходом в улус Кыкэрский.

10 июня. Пятидесятница. Накануне всенощная совершена по Уставу Св. Церкви. Молящихся было до 200 человек, а за литургией – до 300, в том числе и прибывшие с Кыкэра тунгусы. Приобщено Св. Таин до 30 младенцев. Прочитаны поучения: за всенощной – 1) «Таинство Св. Троицы» (свят. С. С. Ляпидевского); за литургией –

2) «Значение обычая украшать храмы и дома зеленью и цветами в день Пятидесятницы» (из «Пропов[едей]» прилож[ения] к «Руководству для сельских пастырей» [за] июнь 1907 года).

11 июня 1907. Утренняя литургия совершена в обычное время. Молящихся было 150 человек, приобщено Св. Таин до 10 младенцев. Прочитаны поучения: 1) «О благодати Св. Духа, действовавшей через апостолов, победивших учением Христа весь мир» (свят. С. С. Ляпидевского); 2) «Объяснение молитвы Св. Духу «Царю Небесный» и о том, как получить благодать Св. Духа» («Проповеди» прилож[ения] к «Рук[оводству] для сельских пастырей»). После литургии объявлено молящимся о предстоящем крестном ходе в улус Кыкэрский, о времени которого сегодня через два часа имеет быть особый церковный звон, установленный для таких случаев. Наскоро подкрепившись чаем после литургии и занявшись укладкой всего нужного для поездки, я вижу группу орочен, вошедшую в мою квартиру с просьбой совершить церковное молитвословие над двумя парами, уже состоящими в браке по языческому обычаю и сейчас только прибывшими из отдаленной тайги для венчания. Услышав о моей поездке в улусы, они поспешили застать меня дома. На основании резолюции Архипастыря, предоставляющей мне право венчать орочен без предварительного брачного обыска, а лишь с записью в метрику, во время звона, созывающего паломников для крестного хода в Кыкэр, повенчаны мною следующие лица: 1) бродячий орочен Тулеягерского рода Иоанн Николаев Сакаулов, 43 лет, вторым браком с бродячей ороченкой Лакшикагерского рода Параскевою Исааковой Сухановой, 22 лет, вторым браком, при поручителях: по женихе – бродячем орочене Тулеягерского рода Иоанне Арт. Малукове, инородце Семене Ник. Мальцеве; по невесте – брод. орочене Романе Тыкшоровом; 2) бродячий орочен Тулеягерского рода Лаврентий Иларионов Сандаков, 23 лет, первым браком с бродячей ороченкой Нанагерского рода Анною Иоанновой Лакушиной, 20 лет, первым браком, при поручителях: по женихе – бродячих ороченках Тулеягерского рода Иоанне Николаеве Сакауловом и Николае Семенове Тырыковом; по невесте – бродячих ороченках Матфее Диомид. Докучалтуевом и Данииле Назариевом Гориуловом. Как новобрачным, так и всем ороченам, прибывшим с ними, я выдал св. иконы и беседовал об обязанностях супругов относительно воспитания детей в страхе Божиим и добродетелях, подавая им добрый пример своею честной, трезвенной

жизнью, убеждая твердо хранить обеты, данные при крещении, и не обращаться к шаманам.

Между тем желающие путешествовать со св. иконами паломники собрались в церковь и при трезвоне отправились в дальний путь чрез селение Зюльзинское. Несмотря на нестерпимую жару, доходящую до 40°, сопровождающих св. иконы оказалось около 60. Кроме 4 церковных икон: Распятия, Божией Матери, св. Предтечи и великомученицы Параскевы, я выдал еще 30 маленьких икон, полученных мной от о. Начальника Миссии и предназначенных мной для бесплатной раздачи тунгусам и орочёнам улусов Кыкэрского и Акиминского в поощрение за их труды ради Бога при паломничестве со святыней под немилосердно палящими солнечными лучами. В Зюльзикан дошли часов в 5 пополудни, где совершена вечерня и утренняя в храме, в присутствии 100 молящихся.

12 июня 1907. Совершена ранняя литургия в Зюльзиканском храме, за которой было около 140 молящихся и приобщено Св. Таин до 50 младенцев. После литургии преподано наставление относительно поведения во время крестного хода, и паломники в числе приблизительно 50, при колокольном трезвоне и нестерпимой жаре, отправились со св. иконами по узенькой тропинке, проложенной верховыми лошадьми чрез топкие грязи и болота, крутые скалы и горы, поросшие густым и девственным лесом, где обитают (многочисленные) разные породы зверей и птиц, оглашающие воздух своим ревом и пением. Труды при путешествии по таежной тропинке усугублялись жестокими и ядовитыми укусами овода (днем – паутов, строк, а ночью и утром – комаров и мельчайшей мошки). Дорога местами настолько была узенькая, что невозможно было двоим в ряд нести большие иконы, в таких случаях один из сильных мужчин полагал св. икону на свою голову и в таком положении проносил ее; то же практиковалось при путешествии и чрез болота. Надо было удивляться мужеству и терпению паломников, решившихся на такой великий подвиг пешего шествия на протяжении более 100 верст, по весьма опасной дороге. Нелегко было ехать и на лошадях, жестоко мучимых оводом и часто падавших в грязи [на] кочках, скалах и колодах, ежеминутно угрожая всаднику повреждением какого-либо члена, особенно страшно было переправляться вброд чрез быстрые речки с большими камнями на дне, о которые лошадь может запнуться при малейшей оплошности и утонуть или изувечиться вместе со всадником. При таких условиях путешествия паломники несколько раз отдыхали у часто

встречавшихся ручейков и речек под тенью деревьев, утоляя свою жажду прохладной и чистой водой и чаем и вкушая с аппетитом хлеб. После утоления жажды и голода телесного я раздавал грамотным брошюрки и листки религиозно-нравственного содержания изд[ания] Троице-Сергиевой Лавры и журнала «Кормчий» для утоления жажды духовной, причем грамотеи читали полученные книжки и листки усевшись на возвышении – пне или колоде, а паломники внимательно слушали своих лекторов, [находящихся] на оригинальной кафедре. Пополудни я с проводником, псаломщиком и церковным старостой поехали вперед на верховых лошадях с целью подыскать более удобное и безопасное место для ночлега, ибо в некоторых пунктах много встречается ядовитых змей, причиняющих смертельные ужаления смелым ночлежникам, случилось, что змеи заползали под постель. Вечером мы избрали для ночлега местечко около ручейка в вершине пади Шамтэлки, на лужайке, окаймленной лиственничным лесом. Расседлав лошадей и развьючив лошадь с палаткой и проч. принадлежностями для богослужения, мы после утоления жажды чаем занялись устройством походной церкви. Около самого ручейка стояло очень толстое лиственничное дерево, которое было срублено проводником и церковным старостой для того, чтобы пень служил вместо престола при совершении литургии, затем поставили колья с перекладинами и натянули на них палатку, служащую походною церковью. Не успели мы покончить работу, как наши паломники уже приближались к ночлегу со св. иконами, на которых заходящее солнце успевало играть своими лучами. Пользуясь этим моментом, псаломщик сделал фотографический снимок, при сем прилагаемый, где впереди со св. иконами расположены паломники (в числе их и я в белом подряснике, с крестом), а позади – ехавшие на лошадях; жаль, что на снимке не вышло палатки с престолом, устроенным на пне, и проч. обстановкой для богослужения, но постараюсь пополнить этот пробел в будущем. Утомленные паломники дневным пешеходством по тайге с величайшим удовольствием утоляли жажду чаем со сметаной, маслом и хлебом. По кратком отдыхе паломников и окончательном приготовлении всего нужного для богослужения началось всенощное бдение св. Иннокентия, епископу Иркутскому, чудотворцу, первому миссионеру Сибирскому. Солнце уже скрылось, птички все еще щебетали, была тьма, в которой рельефно выделялись горящие восковые свечи, поставленные паломниками от своего усердия пред иконами и пнем, служащим

вместо престола, для чего он покрыт белой пеленою, на которой возложены: св. антиминс, крест, Евангелие и Потир с прибором. Запрестольные иконы: Распятия и Богоматери – помещены в палатке, служащей алтарем, прочие иконы вне ее, вместо иконостаса. При такой обстановке молится группа простодушных тунгусов и орочен в тайге, среди ночной темноты, под звуки умирительных молитвенно-художественных, глубокотрогательных церковных песнопений, коим как бы внимает вся окружающая природа, на ночь успокоившаяся от дневной деятельности. Всенощная продолжается обычным порядком, вот раздается возглас: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Поется глубоконазидательное великое славословие «Слава в вышних Богу», а потом ангельская песнь – «Святой Боже...». При звуках последней невольно припоминается происхождение этой молитвы, и я приблизительно в такой форме передал паломникам следующее: «В пятом веке по Рожд. Христовом, при императоре Феодосии Младшем, в Константинополе сделалось страшное землетрясение; жители жили на улицах и площадях. В один день они собрались на большую площадь и начали молиться с патриархом своим Проклом и множеством духовенства. Вдруг из среды народа невидимою рукою был поднят на небо отрок-мальчик; все в удивлении ожидали, что будет. Скоро мальчик опять был спущен на землю. Он объявил, что слышал ангелов, поющих вокруг Престола Божия: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный». Народ к этой ангельской песни прибавил прошение: «Помилуй нас» – и повторил их много раз. После этого землетрясение прекратилось. В бедах особенно прилично повторять часто эту молитву для избавления от них. Например, ныне у нас стоит страшная засуха, уничтожающая растительность на полях и лугах, часто появляются болезни на людей и животных, случаются и др. беды, особенно за последние годы, постигающие Россию смуты и проч. за грехи наши, для нашего вразумления. Что нам делать? Нужно молиться и каяться. Молитесь же усердно, подобно константинопольцам, и Господь даст вам по вашему желанию, если последнее не противно Его св. воле, направленной к нашему вечному спасению. Молитесь о благополучии вашем и о ниспослании дождя на жаждущую землю; о здравии и спасении живых и упокоении почивших сродников ваших, а паче – о дорогой нашей матушке-России, израненной и истрадавшей от постигших ее бед. Завтра за литургией возносите ваши простые, с верою молитвы о вышесказанном и будьте уве-

рены: Господь, сказавший: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам...* – услышит ваши молитвы и подаст просимое, только дайте Ему, Отцу нашему Небесному, обещание исправиться, загладить свои грехи противоположными им добродетелями и начать новую, христианскую жизнь в духе Евангельском. Теперь же подготовляйтесь к говению, которое закончите причащением Св. Таин Христовых в улусе Кыкэрском, где предварительно получите разрешение грехов в таинстве покаяния». После всенощной, кончившейся около полуночи, все погрузились в глубокий сон на мягкой траве около пылающих костров – в предохранении себя от докучавшей мошки, удаляющейся от дыма. Я же расположился для ночлега в палатке, но от укушения комаров, а главное – от боли всего организма вследствие верховой езды не мог уснуть до самого раннего утра, прислушиваясь к ночному щебетанию лесных птиц и реву зверей.

13 июня 1907. Чуть только рассвело и птички оживленно запели, я, умывшись из находящегося у самой палатки источника прозрачной, холодной водой, ободрившей меня от дремоты вследствие бессонницы, занялся чтением «Последования ко св. причащению». Затем, разбудив псаломщика и церковного старосту, вместе с ними приготовил все нужное для литургии и начал совершение проскомидии; к литургии все паломники явились и окружили палатку, некоторые из них подавали записки с просьбой помолиться о здравии и спасении живых и упокоении почивших сродников. Литургия окончена до солнечного восхода, чтобы воспользоваться утренней прохладой при путешествии чрез болота, крутые горы и скалы, называемые по-местному «укшикты». Напившись чаю, паломники отправились со св. иконами вперед, мы же с псаломщиком, церковным старостой и проводником занялись укладкой своего багажа и после чая догнали несущих иконы в полдень, на отдыхе, откуда мы уже поехали вперед, на пути встречаясь с тунгусами Кыкэрского улуса, шедшими на помощь утомленным паломникам с запасом хлеба и чая для подкрепления их и лошадьми для совершенно уставших и неспособных к дальнейшему шествию. На лужайке около речки мы заметили дым, подъезжаем ближе и находим здесь человек 6 кыкэрсцев, разложивших несколько костров и приготовляющих для паломников чай в котелках. Мы здесь остановились для отдыха. Только закончили чаепитие и немного отдохнули под тенью деревьев, как увидели быстро приближающийся к нашему табору крестный ход, ибо все уставшие паломники ехали на высланных им

навстречу лошадям, а встретившие крестный ход тунгусы заменили утомленных и понесли иконы так быстро, что мы на лошадях едва успевали с ними держаться; это объясняется очень просто: что дорога настолько неудобна для проезда на лошадях, то карабкающихся в грязи, то падающих в кочках, камнях или при перепрыгивании через лежащие деревья, то упрямящихся при переправе чрез быстрые ручейки и речки, что пешеходы опережают едущих. Не могу умолчать об одном паломнике – Борисове, вместе с нами едущем; он, кажется, житель Костромской губернии и непривычный к верховой езде, тем более при всех прелестях таежной дороги, попал в такое болото, где его лошадь провалилась в трясину, и перепугавшийся всадник закричал благим матом: «Караул! Спасите! Погибаю!» Подоспевшие на помощь сильные и здоровые мужчины сняли пострадавшего с завязнувшей лошади и последнюю едва вытащили из грязи. Пришедший в себя Борисов поклялся никогда больше не ездить по таким болотам, а ходить по ним пешком, это-де здоровее будет. Благодаря стоявшей засухе дорога сравнительно была удовлетворительна; гораздо труднее ехать по тайге в дождливое лето: тогда все ямы, рвы и расщелины в скалах наполняются водою, а болота настолько разжижаются, что едва по ним проберешься на лошади, часто падающей, вязнущей в грязи, а тут, как назло, донимают овод и мошка.

Дальнейшее путешествие мы совершили без особых приключений, опередив крестный ход, дабы предупредить жителей улуса Кыкэрского о приближающихся св. иконах, которые и [следовало] встретить с подобающею честью, но кыкэрцы маленькими группами уже выходили навстречу со св. иконами в руках, взятыми из своих домов. Наконец мы уже подъехали к реке Нерче, через которую переправились по случаю мелководья вброд. Вот увиделся Кыкэр, а на берегу Нерчи стоят в ожидании крестного хода почти все тунгусы Кыкэрского улуса, также многие из них со св. иконами в руках, мужчины с обнаженными головами, а женщины, и вообще вся эта группа, разодетые по-праздничному, некоторые еще спешат из Кыкэра навстречу, тоже со св. иконами, молитвенно устремляя свой взор в ту сторону, откуда ожидается крестный ход. Вообще картина умирительная! Жаль, что фотографический аппарат, находящийся на вьючной лошади, замедлил в пути, а то бы очень интересный получилась снимок.

Паломники не заставили себя долго ждать: загорелые, мокрые от пота и покрытые пылью, они подходят к реке Нерче, утоляют жажду и

умываются водой, и переправляются через р. Нерчу на приготовленном из бревен плотике, а некоторые вброд, и, соединившись с ожидавшими на берегу, направляются в Кыкэр бодро, в молитвенном настроении и с сознанием исполненного обещания потрудиться ради Господа. При приближении к Кыкэру небо, до сего времени чистое, заволокло тучами, и полил обильный дождь, так долго ожидаемый и напоивший жаждущую землю, ожививший иссыхающую, пожелтевшую растительность. Паломники при великой милости Божией, выразившейся в ниспослании дождя, осеняли себя крестным знаменем и восклицали: «Слава Богу! Господь услышал нашу молитву, послал дождь – теперь мы будем с хлебом и сеном, а то беда была бы нам: опять пришлось бы доставать хлеб за 100 верст и возить его на вьюках и санях по глубокому снегу для семьи. Слава Тебе, Господи, велико Имя Господне!» Довольные, веселые и промокшие паломники входили в Кыкэр, где оставались лишь старые, больные и малыши, коленопреклоненно молившиеся на св. иконы; последние поставлены в здании церковнопр[иходской] школы, никем не занимаемой по отъезде учителя на лето к родным, я же с псаломщиком заехал в дом тунгуса Стефана Феодорова Простокишина. Чувствовалась боль во всем теле от верховой езды, к тому же настойчиво заявлял о себе ревматизм, часто обостряющийся, особенно при пасмурной погоде. Пока готовили чай, я с псаломщиком отправился купаться в близлежащем озере, ибо обильный пот, пыль и волдыри на теле от укушения насекомых, причиняя нестерпимый зуд, безотлагательно требовали обмывания с мылом, к тому же мы выглядели очень уж темными, как негры. После купания мы освежились и утолили жажду чайком, а потом получили приглашение тунгуса Гавриила Георгиева Пляскина ночевать у него в новом доме, никем не занимаемом, кстати окрестить новорожденного его сына, куда я и перешел, псаломщик же остался у Простокишина, чтобы не оскорбить его как выказавшего к нам особенное радушие и гостеприимство и убедительно просившего меня сняться с его семьей на память о посещении его дома, что я охотно исполнил; фотографический снимок Простокишина с семьей при сем помещается, на котором позади стоящий с полученной от меня иконой и есть вышеупомянутый Гавриил Пляскин, предложивший мне квартиру в своем доме.

14 июня. По совершении крещения младенца у тунгуса Гавриила Пляскина, родившегося 9 мая от жены его Татьяны Константиновой и нареченного Николаем, при восприемниках инородце

«...Фотографический снимок Простокишина с семьей при сем помещается, на котором позали стоящий с полученной от меня иконой и есть вышеупомянутый Гавриил Пляскин, предложивший мне квартиру в своем доме». Л. 94

Иннокентии Георгиевом Пляскином и инородческой девице Домнине Иоанновой Пляскиной, я по приглашению улусян ходил по домам их для совершения водосвятных молебнов при многочисленном сонме молящихся, благословляя каждого домохозяина св. иконой и вручая ему для назидания книжку или листок духовно-нравственного содержания, а также против современных пороков пьянства, картежной игры, сквернословия, воровства, распутства, атеизма, социализма, забастовок и проч. После молебна каждый хозяин просил причт и почетных тунгусов отдохнуть, на что я соглашался и во время угощения беседовал с участниками трапезы не только о предметах веры и нравственности, но и о житейских делах, советуя наблюдать чистоту и опрятность как главное условие для здоровья, удобрять поля, улучшать огородничество, избегать суеверий и проч. Некоторые тунгусы просили служить молебны во дворах для благополучного скотоводства, при этом я читал молитву из Большого Требника «во еже благословити стадо». Сегодня совершено более 20 молебнов, и за все это время многочисленная толпа молящихся сопровождала св. иконы с великим усердием. По окончании молебствий я занялся подготовкой ко св. крещению татарина, проживающего в Кыкэре около году, Шайдулы Кисматуланова, от роду 16 лет и 3 месяцев, магометанского вероиспове-

дания; он уже давно решил присоединиться к православию, но я испытывал [его] в том, насколько он тверд в своем намерении. Убедившись в искренности и непринужденности вступления его в лоно Святой Церкви, я предложил ему сегодня же подготовиться ко крещению, пригласив восприемников. На что он заявил, что восприемники им уже давно подысканы в лице тунгуса Кыкэрского улуса Алексея Стефанова Простокишина и инородческой жены Харитины Никитиной Простокишиной, у которых он и проживает. Зная

вышеозначенных лиц как хороших и благочестивых, я изъявил свое согласие допустить их к восприемничеству, надеясь, что они могут руководить восприемлемого в христианской жизни и научить молитвам с объяснением и проч., ибо Простокишин кончил курс одноклассной церк[овно]прих[одской] школы, где, конечно, основательно усвоил молитвы, заповеди, Символ веры и т. д. Между тем кыкэrcы, в благодарность Господу за все Его благодеяния, просили меня совершить молебен на озере, из которого они употребляют воду, куда я и направился, предупредив татарина Шайдулу Кисматуланова, что крещение его будет совершено в озере после молебна. Многочисленная группа молящихся со святыми иконами расположилась на берегу озера, где приготовлен стол для креста и Евангелия; только началось последование малого освящения воды, как пошел сильный дождь, промочивший всех молящихся, которые еще более укрепились в вере, что Господь услышал их молитву, подобно тому, как в июне 1901 года во время засухи, при служении молебна на этом же озере и месте, принесенными из Зюльзы св. иконами, пошел проливной дождь. По окончании молебна и окроплении молящихся св. водой совершено крещение упомянутого татарина Кисматуланова, с наречением его Николаем; при погружении его в воду озера и облачении в белые одежды он был

сокрыт от взора присутствующих растянutoю завесою. По наставлении новокрещеного Николая относительно обязанностей христианина, давшего обет облечься во Христа, ему вручена икона св. Николая, Мирликийского чудотворца, имя которого ему и дано, а потому он должен обращаться к этому святому с молитвою во всех трудных обстоятельствах жизни, ежедневно прося его ходатайства пред Богом, причем в кратких словах изложены жизнь и подвиги св. Николая, с нравственным выводом и уроками для слушателей. После сего крестный ход направился в ц[ерковно]пр[иходскую] школу, где иконы и поставлены, а паломники разошлись по домам для отдыха, я же с некоторыми тунгусами и орочёнами занялся устройством палатки на кладбище для совершения в ней сегодня всенощной, а завтра – литургии об упокоении всех здесь погребенных отец и братьев. По приготовлении всего нужного для богослужения, как-то: столов для престола и жертвенника, поставленных в палатке, и пр. – ощущался недостаток в фонарях для свечей, – последние при начавшемся вечернем ветерке угасали, у кыкэрцев же не оказалось фонарей, пришлось устроить фонари из обыкновенных монопольских бутылок чрез отпиливание крепким шнурком горлышка по одному месту, причем нагретое посредством трения горлышко бутылки опускалось в холодную воду и отламывалось. В эти-то примитивные фонари и вставлялись свечи, освещая наш походный храм с молящимися. В ограждение от мошки развели костер-дымокур, и при такой обстановке, во тьме ночной, совершена всенощная под открытым небом при 100 молящихся; в пении и чтении участвовали учащиеся Кыкэрской школы и кончившие оную, а также и живущий здесь крестьянин Печенкин, обладающий сильным тенором и довольно сносно поющий и читающий. Всенощная закончена около полуночи, после которой я сказал импровизацию о необходимости возможно частого исповедания грехов своих пред духовником и причащения Св. Таин, подобно древним христианам, причащавшимся очень часто, за каждой праздничной литургией. Тем более это необходимо улусянам, отдаленным от священника на 100 верст и лишенным возможности в случае болезни своевременно достать духовника для напутствования. На мой призыв откликнулись 59 тунгусов и орочён обоого пола, в том числе был и новокрещеный татарин Николай, которым я, по примеру авторитетных пастырей, по недостатку времени отдельно каждого исповедать, допустил общую исповедь, предварительно выяснив им важность и спасительность искренней исповеди.

Далеко за полночь, после обычных канонов и вечерних молитв, положенных Уставом, говельщики ушли по домам, примиренные с Отцом Небесным чрез прощение и отпущение грехов в таинстве покаяния.

15 июня. О начале литургии все домохозяева были оповещены чрез особого вестника, предупредившего говельщиков явиться сейчас для выслушания «Последования ко св. причащению», что они и исполнили. Литургия совершена на кладбище, в палатке, служащей вместо алтаря; в ней за столом, покрытым пеленою со св. антимином, крестом и Евангелием, заменяющим престол, помещены иконы Ряспятия и Богоматери, прочие же иконы помещены на стульях с западной стороны палатки, образуя иконостас, на левой стороне от престола, в углу палатки, поставлен другой маленький столик, служащий жертвенником, на нем сверх пелены поставлены Потир с прибором и все нужное для проскомидии, во время совершения которой подавались поминанники [помянники] для вынутия частей из просфор о здравии и упокоении. При такой необычной обстановке и совершена первая литургия в улусе Кыкэрском, выслушанная 200 молящимися весьма внимательно, ибо большинство из них ни разу не бывали при Божественной евхаристии. Кроме взрослых 59 говельщиков (в том числе и новокрещеный татарин Николай) причащено Св. Таин до 100 младенцев. Пред причащением сказана импровизация о величии св. причащения и о том, с какими мыслями и чувствами должно приступать к оному, а после причащения – о том, какого великого дара мы сподобляемся во св. причащении, и поведении христианина по принятии в себя Христа, Которого не следует оскорблять своей греховной жизнью, а всемерно стараться угождать Ему исполнением Его заповедей, ибо тот только любит Христа, кто исполняет Его законы. При сем прилагается фотографический снимок кладбища и палатки, сделанный по литургии, в тот момент, когда иконы подняты для помещения их в школу. Сегодня совершен чин отпевания бродячей орочёнки Тулеягерского рода Марии Георгиевой Икониевой, от роду 10 [?] лет, умершей 20 марта от горловой болезни и погребенной в Тилочинской [?] тайге. После сего пропеты заупокойные литии над кутьями почивших кыкэрцев. После литургии Кыкэр принял праздничный вид: все были одеты в лучшие костюмы, по улице разгуливали молодежь, ходили в гости, оживленно разговаривая о своих впечатлениях по поводу паломничества со св. иконами и в первый раз виденной литургии. Некоторые тунгусы, у которых я вчера не отды-

хал после молебна, пригласили меня к себе, где я беседовал с ними. При посещении улусян и встрече с ними на улице я вступал в разговоры и наделял их листками из духовно-нравственного журнала «Кормчий», следующего содержания: 1) «О податях и повинностях», 2) «[О] забастовках», 3) «Христианство и социализм», 4) «О свободах и об истинной христианской свободе», 5) ««Боже, царя храни» – простое слово к братьям», 6) «За Церковь и духовенство», 7) «Неправдою нажитое впрок не пойдет», 8) «О брани черным словом», 9) «Целитель от винного запоя», 10) «Неверие – причина всех наших зол», 11) «Хищничество не обогащает, а разоряет», 12) «Не скверните своего тела: онс храм Св. Духа», 13) «О картинах духовно-нравственных и картинах соблазнительных», 14) «О сквернословии», 15) «Доброе слово крестьянам о земле», 16) «Народ, помни Бога», 17) «Той земле не устоять, где начнут устав ломать», 18) «По поводу церковной анафемы», 19) «Как улучшить жизнь людей», 20) «Свое береги, на чужое не зарься», а также раздавал разные брошюры из Троице-Сергиевой Лавры.

Сегодня было много работы псаломщику по фотографии, ибо большинство из кыкэрцев не видывали даже фотогр. аппарата, не только не снимались. С великим интересом они взирали на него, некоторые даже с боязнью: они никак не могли понять, каким это образом может действовать аппарат, уж не иначе, как при помощи нечистой силы; по этой причине некоторые, закоренелые суеверы, не хотели сниматься. Например,

великих усилий стоило упротить тунгуса Льва Димитриева Мальцева сняться со своею семьею, который для прогнания страха закурил трубку (смотри ниже помещенный фотографический снимок). Ниже помещен фотографический снимок семьи тунгуса Николая Федорова Простокишина, отличающегося многочисленным семейством, ему с небольшим сорок лет, и сам уже тринадцатый. Помещенный на обороте сего листа фотографический снимок представляет двух замечательных рыболовов: в шляпе инородца Григория Иоаннова Простокишина, а в фуражке поселенца Мясникова, живущего в Кыкэре из любви к рыболовству, где он изготовляет неводы, сети и пр. рыболовные снасти и со своим компаньоном удачно ловят в озерах замечательно вкусных карасей, достигающих весом до 6 фунтов каждый, а также уходят для рыболовства и в отдаленные места, напр. на р.р. Карангу и Витим, где добывают даже осетров и др. Ниже помещены типы кыкэрской молодежи. Многие из кыкэрцев просили меня вместе с ними сняться на память, что, конечно, я исполнил и фотографическую группу при сем прилагаю для наглядного ознакомления с типами инородцев. Итак, сегодняшний день для кыкэрцев походил на Пасху, как они сами делали сравнение. Желая продолжить праздничное настроение улусян, я объявил им о своем намерении вечером в церковноприходской школе совершить всенощную, а завтра – литургию ради того, чтобы дать возможность причастить всех младенцев и дряхлых. В обычное время по повестке собралось ко всенощной около 100 человек. Сказано поучение о всегдашнем памятовании страшного часа смерти и приговорении к ней добрыми делами, с призывом к покаянию и причащению Св. Таин всех, кто еще не исполнил сего; желающих сказалося – 4 одряхлевшие старушки.

16 июня 1907. Ранняя литургия совершена в здании ц[ерковно]пр[иходской] школы, которая была убрана древесными лиственничными и сосновыми ветвями усердием девиц-тунгусок. Молящихся было около 150, приобщено Св. Таин, кроме 4 взрослых, до 35 младенцев. Преподано наставление относительно порядка при крестном ходе, во время которого непозволительно разговаривать,

«После литургии паломники... отправились в числе более 100 человек крестным ходом по направлению к улусу Акиминскому... На снимке, при сем прилагаемом, рельефно выделяется школа, направо от нее – палатка с нашитым крестом вверх, поставленная на кладбище, где совершена первая литургия с основания Кыкэра». Л. 109 об.

смеяться и т. п. После литургии паломники, подкрепившись пищей, отправились в числе более 100 человек крестным ходом по направлению к улусу Акиминскому, откуда еще вчера прибыли в Кыкэр тунгусы и орочёны с просьбою посетить со св. иконами и их улус. Выход со св. иконами из школы сфотографирован псаломщиком Иваном К. Комогорцевым; на снимке, при сем прилагаемом, рельефно выделяется школа, направо от нее – палатка с нашитым крестом сверху, поставленная на кладбище, где совершена первая литургия с основания Кыкэра. Дорога сначала шла лугом, потом лесом, чрез горы и речки, но гораздо удобнее, чем по Шамтэлке, по которой несли св. иконы в Кыкэр: здесь хотя и есть грязи, но не так опасные. Солнце жгло очень сильно, парило, овод кусал жестоко, лошади бились от ядовитого укушения, затем солнце скрылось за тучами, загредел гром, засверкала молния и полил дождь, освеживший раскаленный воздух, и стало легче путешествовать. Наконец-то приблизились к улусу Акиминскому, отстоящему от Кыкэра приблизительно в 20 верстах, улусяне встретили крестный ход с подобающей честью и поместили св. иконы в дом инородца Онисима Писарева. По кратком отдыхе св. иконы, по желанию акиминцев, вносили в дома каждого (а их девять) для совершения водосвятного молебна и окропления св. водой, и здесь, как в Кыкэре, бесплатно раздавались святые иконы, листки и крестики. По окончании молебнов акиминцы просили отслужить общий молебен на кладбище, находящемся в 1 $\frac{1}{2}$ верстах от улуса, куда крестным ходом и отправились. Здесь, по удовлетворению желания улусян, совершена всенощная под открытым небом, причт же помещался в возвышенной часовенке, устроенной на могиле тунгуса Мальцева. Молящихся было до 130. Для предохранения от овода и мошки развели дымок (костер), иначе невозможно избавиться от докучливых насекомых. Сказана импровизация о том, откуда ведет начало употребление икон и как нужно обращаться с ними, чрез молитвы и окропление Богоявленской водой получившими благодать Св. Духа, чудотворно действующего на всех, с верой обращающихся к ним, почитая в св. иконах не дерево, краски и металл, а лиц, изображенных на них. Причем приведены случаи непочтительного обращения со святыней из Ветхого и Нового Заветов и наказания за таковое. Рассказано о происхождении Нерукотворенного образа Спаса, чрез прикосновение к которому князь Авгарь получил исцеление от недуга своего. Сообщено о чудотворных св. иконах. В заключение указано на небрежное обращение со св.

иконами некоторых христиан, позволяющих пред ними вольности, даже вульгарности, что было замечено за некоторыми молодыми парнями, допускавшими эти безобразия по невежеству, но на соблазн благочестивым. Последние мне и заявили об этом. Для успокоения совести безобразников я просил их всенародно сознаться в своем пороке, что они исполнили, выйдя ко мне и при всех прося прощения, причем я высказал им, что всякая хула простится человеку, но хула на Св. Духа, по слову Спасителя, не простится ни в этой жизни, ни в будущей, но, принимая во внимание их искреннее раскаяние и убедившись в том, что это они сделали не злонамеренно, а по невежеству и присущей молодежи легкомысленности, я прощаю их грех, предлагая очистить свою совесть в таинстве покаяния и св. причащения, к чему призывал и паломников, а также и акиминцев. На мой призыв откликнулось 28 тунгусов и орочен, в том числе и новокрещенный в Кыкэре татарин Николай Кисматуланов, которым я предложил, немного отдохнувши, собраться для исповеди в дом тунгуса Иннокентия Мальцева. Между тем на кладбище совершен чин отпевания на могилах: жены орочена Михаила Салмаулова – Марфы Павловой, 47 лет, умершей 9 мая от кашля; детей тунгуса Иннокентия Гаврилова Мальцева – Александры, 8 лет, умершей 13 апреля от паралича, и Гавриила, 3 лет, умершего 9 мая от родимца. Затем крестил младенца у орочена Бултэгерского рода Афанасия Васильева Нургуниева, родившегося 25 марта от жены его Анны Николаевой и нареченного Гавриилом, при восприемниках – инородце Алексее Леонтьеве Мальцеве и инор. девице Феодосии Онисимовой Писаревой. После крещения Нургуниев предложил угощение изубринным [изюбровым] мясом и чаем, а также приглашали другие акиминцы в свои дома, где во время угощения я обычно беседовал. Поздним вечером собравшиеся говельщики в дом тунгуса Иннокентия Гаврилова Мальцева после молитв и краткого наставления относительно таинства покаяния (исповеди) разрешены от грехов в числе 28, потом, после обычных канонов и вечерних молитв, отпущены для отдыха – с внушением проводить все время до причащения в богомыслии, удаляясь от пустых разговоров и объядения, с разрешением вкушения пищи вечером только слабым.

17 июня 1907 г. Ранним утром, при помощи псаломщика, церковного старосты и вышеупомянутого крестьянина Печенкина, над часовенкой, где вчера была всенощная, раскинута наша палатка, предназначенная вместо алтаря при совершении литургии, она кругом обставлена листьями

«Весь эстонский народ принимает православие, — писал профессор. — Дело истинно нерукотворенное»⁴⁶.

Этот и подобные успехи вызывали сильнейший протест немецких баронов и других антиправославных сил, развернувших широкую многолетнюю кампанию против епископа Филарета. В числе их средств борьбы были клеветнические доносы. Ради водворения спокойствия его с почетом и повышением перевели на архиепископскую кафедру в Харьков, где подвижник отличался и своими благодатными службами, и особенным вниманием к духовному образованию, и излюбленными им научными занятиями (в частности, «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», к созданию которого привлек почти все духовенство). Император не упускал из виду выдающегося архипастыря: в 1855 г. за успешные труды в звании вице-президента Харьковского тюремного комитета он получил Высочайшее благоволение⁴⁷. (Деятельность Филарета (Гумилевского) в качестве митрополита Черниговского относится уже к следующему царствованию — Александру II.)

Отметим еще двоих церковных деятелей, активно действовавших в период правления Николая I, прославленных святых — преподобных архимандритов: Макария (Глухарева, 1792–1847) и Антония (Медведева, 1792–1877), широко известных и в свое время, и в исторических работах. В 1828 г. Священный Синод учредил в Тобольской епархии особую миссию для просвещения инородцев. Тобольскому архиепископу Евгению было поручено найти способных добровольцев для реализации этой задачи. Иеромонах Макарий (Глухарев) был в это время насельником Глинской пустыни. Как только он услышал об этом поиске, сразу решил ехать миссионером в Сибирь и подал прошение об этом в синод. После некоторых осложнений с выбором места его миссионерской деятельности Макарий был направлен на Алтай, в Бийский округ Томской губернии. Деятельность Алтайской миссии развернулась под его руководством настолько успешно, что она считалась самой лучшей в России⁴⁸. Источники разного рода свидетельствуют об определяющей роли в этом успехе высокого уровня духовности главы миссии. «Аскетическая жизнь, начатая Макарием с самого вступления на путь служения Богу и Церкви, явно показала

его склонность к строгой монашеской жизни», развивавшуюся под влиянием митрополита Филарета (Дроздова) ещё в академии. Преподобный «обладал удивительным даром распознавать и исцелять тайные греховные раны человеческих душ»⁴⁹. Особые дары святого отмечены людьми, испытавшими их на себе, и во время настоятельства в Болховском монастыре Орловской губ. — в последний период его деятельности⁵⁰.

Преподобный Макарий, действовавший в глуши, весьма отдаленной от российских центров культуры, был на редкость образованным человеком. Магистр богословия, он знал древнееврейский, греческий, латинский, французский, немецкий, английский, итальянский языки. Перевел с древнееврейского Ветхий Завет. В ходе миссионерской деятельности изучил языки народов Алтая. При его участии и им самим были переведены на эти языки Евангелия от Матфея и от Иоанна, некоторые

Архимандрит Антоний (Медведев),
наместник Троице-Сергиевой лавры.
Литографический портрет. 1863 г.

⁴⁶ Там же. С. 45–46.

⁴⁷ Там же. С. 65–74.

⁴⁸ Жития сибирских святых. Сибирский патерик. С. 219–226.

⁴⁹ Дмитрук Анатолий, протоиерей. Указ. соч. С. 392, 396. См. также: Пивоваров Б. И. Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998; Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск. Изд. Сибирского отд. РАН, 2010. С. 183–198.

⁵⁰ Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптина монастыря отца архимандрита Макария Глухарева. Орел, 1897.

просили меня отпеть почивших сродников. Пригласив их к чаю, я долго беседовал с ними, расспрашивая о их религиозных воззрениях и разъясняя недоумения в этой области. Они оказались очень религиозными. Наделив их ладаном, крестиками и св. иконами, я повел их в местный храм, где и отпеты следующие лица, погребенные в Олекминской тайге: 1) бродячего орочёна Кылтогерского рода Стефана Иоаннова Габисова дочь Елена, 3 лет, умершая 15 апреля с. г. от жара и кашля; 2) бродячего орочёна того же рода Василия Иоаннова Габисова сын Александр, 1 года, умерший 25 марта с. г. от кашля и 3) бродячий орочён Кындыгерского рода Игнатий Николаев Крипасов, 80 лет, умерший 20 апреля 1906 года от старости. После отпевания по просьбе орочён отслужен молебен св. Предтече и Крестителю Господню Иоанну о здравии, спасении, благопоспешении и окормлении рабов Божиих Василия, Стефана, Николая и zde предстоящих и молящихся. Затем приезжих орочён я пригласил к себе для беседы, интересуясь их бытом, степенью развития и проч., причем советовал им побывать в Зюльзиканском храме за богослужением, имеющим совершиться 22 июня по случаю местного праздника в 9 пятницу по Пасхе – в честь св. великомученицы Параскевы, когда собираются многочисленные богомольцы из окрестных селений, а из Зюльзы накануне бывает крестный ход со св. иконами, в том числе и иконою св. великомученицы Параскевы, ежегодно переносимой из Зюльзикана в Зюльзу ко Св. Пасхе и до 9 пятницы находящейся здесь и пользующейся особым чествованием зюльзинских инородцев, часто заказывающих молебны пред нею в своих домах. На мое предложение орочёны изъявили согласие, хотя они уже 8 дней здесь проживают, но ради Бога готовы и еще пожить. По вручении орочёнам Евангелия и молитвословов с объяснением и книг духовно-нравственного содержания, а также Евангелия, переведенного на якутский язык для вручения якутам, я простился со своими собеседниками, надеясь еще встретиться с ними в Зюльзикане, где им предложено говеть, а потом дал обещание приехать к ним в тайгу на 3-й неделе Великого поста будущего года 1908 (т. е. 9 марта), рекомендуя объявить орочёнам о своем намерении с предложением собраться всем для удовлетворения своих дух[овных] треб в местечко Усть-Букточи (около реки Нерчупана). Орочёны просили меня написать им официальную бумагу с приложением церковной печати, что я и исполнил, вручив им же и пакет с воззванием к орочёнам о прибытии к 9 марта 1908 года в местечко Усть-Букто-

чи, где имеет совершиться богослужение с литургией на походном антиминсе и прочие исполнения духовных треб; желающие будут допущены к исповеди и св. причащению. К вечеру сего числа крестил младенца у инородца Макария Петрова Мальцева, родившегося 15 июня и нареченного Серафимом, а затем совершена заупокойная вечерня и утренья по просьбе инор. Инн. Стеф. Комогорцева, заявившего, что завтра исполнится 9 дней по кончине его матери Елены, а потому он желает отслужить по ней литургию.

20 июня. Заупокойная литургия и панихида в 9 день по смерти инородки Елены Григорьевой Комогорцевой, 88-летней старицы, совершена своевременно в присутствии близких сродников ее, пригласивших причт в дом для пропетия заупокойной литии и вкушения от поминальной трапезы. Сего же числа отпета дочь инородца Максима Петрова Мальцева, умершая 15 июня от поноса.

Чувствуется боль во всем организме от верховой езды за время паломничества в Кыкэр и Акиму, для успокоения которой, по русскому обычаю, парился и мылся в бане, благотельно действующей на усталых.

21 июня 1907. Посредством колокольного звона желающие паломничать собраны в храм, откуда крестный ход под звуки колокольного трезвона и направился в село Зюльзиканское. Опредив паломников на лошадях и собрав зюльзиканцев в храме чрез благовест, я со св. иконами торжественно встретил крестный ход за селением, и при пении тропарей св. Предтече, великомученице Параскеве, и св. Иннокентию, и св. Николаю, и проч. направились опять в храм, а затем по домам зюльзиканцев со св. иконами для служения водосвятных молебнов и окропления жилищ св. водою. Кроме сего, совершены следующие три требы: а) елеосвящение над тяжело больной инородкой Наталией Максимовой Мальцевой, 55 лет, после которого сказана мною импровизация относительно сего таинства, которое следует совершать в начале болезни, а не тогда, когда болящий находится на краю могилы, ибо при елеосвящении испрашивается благодать Св. Духа для исцеления больного. Причем упрекал тех суеверных христиан, которые в болезнях прежде обращения к таинствам Св. Церкви призывают шамана-шептуну и проч.; б) отпета дочь инородца Романа Иоаннова Мальцева Татьяна, 2 лет, умершая 20 июня от поноса, и в) крещена дочь орочёна Николая Тихонова Шипталчина от жены его Татьяны Матвеевой, родившаяся 17 июня и нареченная во св. крещении Агриппиною, при восприемниках: инородце Павле Иль-

ине Вапчуговом и учительнице Анфии Ивановой Пляскиной. Часов в 7 вечера началась всенощная св. великомученице Параскеве. Молящихся было до 300. Прочитано поучение протоиерея Григория Дьяченко: «Жизнь и мученичество св. великомученицы Параскевы и гонение христианства в нынешнее время социалистами» и пр. После всенощной исповедано 6 говельщиков-орочён, братьев Гибасовых и Крипасов, прибывших из отдаленной Олекминской тайги, о которых я упоминал выше, в том числе двое из местных инородцев.

22 июня 1907. Литургия и молебен св. великомученице Параскеве совершены своевременно. Молящихся было около 450. Приобщено Св. Таин до 100 младенцев и 6 взрослых орочён и инородцев, последним пред причащением сказана импровизация в доступных их пониманию выражениях относительно Св. Таин Тела и Крови Христовых. На литургии прочитано поучение свящ. Д. Н. Орлова «Царство Божие – есть добрая жизнь при добром сердце».

23 июня. Крестный ход, пользуясь утренней прохладой, возвратился обычным порядком из Зюльзикана в Зюльзу, причем икона св. великомученицы Параскевы, как принадлежащая Зюльзиканской церкви, оставлена там до будущей Св. Пасхи, когда она ежегодно переносится в Зюльзу и находится здесь до 9 пятницы по Пасхе.

22 июля 1907. Прибывшие из отдаленной Витимской тайги орочёны Тулеягерского рода Макарий Терентьев Илтэнкев (45 лет) и брат его Сергей (35 лет) пришли ко мне с просьбой отслужить молебен о здравии их и родных. Беседуя с орочёнами, я интересовался их бытом, причем узнал, что наезжающие к ним в тайгу торгаши обирают пушнину за ничтожную цену, предлагая при этом вместо денег и нужных продуктов какие-либо безделушки вроде цепочек, корольков и проч., а также и водку, до которой орочёны большие охотники, а потому платят за нее весьма и весьма высокую цену, особенно когда опьянеют, чем, конечно, пользуются эксплуататоры, разбавляя водку водою. Для избавления от обирательства я предлагал орочёнам на будущее время посылать своих честных доверенных с пушниною на ярмарку, ежегодно открываемую с 10 янв. в Зюльзе, куда съезжаются купцы из окрестностей для покупки пушнины, предлагая за нее очень приличное вознаграждение: напр., 1 беличья шкурка стоила на нынешней ярмарке 50 коп., тогда как в тайге торгаши скупают белку у орочён по 25 коп., и то в обмен на какой-либо дешевенький товар вроде ситца, кумача, стоящего по 10 или 15 к. аршин; с орочён же взыскива-

ется за каждый аршин такого товара по 3 и, в крайнем случае, по 2 белки. Водка же ценится в тайге дороже 1 р. за бутылку. Орочёны с благодарностью приняли мое предложение, обещая на будущее время сбывать пушнину на ярмарке, где и приобретать нужного товара, и сравнительно недорого. Между прочим, я предлагал им на будущее время собираться всем в удобном для них месте хотя к числу 6 декабря, куда я мог бы приезжать для исполнения у них духовных треб, о чем они должны заблаговременно меня известить. На прощание я вручил орочёнам св. иконы как для них, так и [для] раздачи родным, совместно бродящим по тайге, предостерегая их от пьянства и др. пороков, особенно от шаманства и вообще суеверий, убеждая строго и твердо соблюдать Устав Св. Церкви.

7 декабря 1907. Ранним утром собрался и выехал с миссионерской целью по улусам, расположенным вверх по р. Нерче. Часов в 8 вечера добрались мы до улуса Акиминского, куда съехались орочёны из Тыкшэрского улуса на суглан (общественный сход) для избрания родового старосты взамен Татаулова, который по неизвестной причине не явился на суглан, почему и избрание нового старосты отложено до более удобного случая. В этот же вечер я побывал у каждого домохозяина со св. крестом, беседуя с улусянами, а также и с приезжими орочёнами и оделяя каждого из них просфорою. Сегодня я крестил двух младенцев у орочён и одного младенца, вчера умершего и еще не погребенного, отпевал в доме при стечении орочён.

8 декабря 1907. Прибыв в улус Кыкэрский и окрестив трех новорожденных младенцев, я посетил церк[овно]прих[одскую] школу, где испытывал учащихся и нашел их подготовку вполне удовлетворительной. После сего, [как] обычно, посетил дома кыкэрцев со св. крестом, служил два водосвятных молебна по просьбе тунгусов Простокишина и Пляскина в новых домах их, потом вечером совершал всенощную в церк[овно]прих[одской] школе, причем учитель Ксенофонт Ив. Бутин руководил своими питомцами в исполнении церковного чтения и пения, благодаря чему всенощная удовлетворительно исполнена и без псаломщика. Прочитано поучение свящ. С. С. Ляпишевского – предостережение богатым не полагаться на свое богатство, а помнить о вечном блаженстве. После всенощной предложено было желающим исповедаться, коих оказалось 17, в том числе учащиеся местной школы; по кратком разъяснении касательно таинства покаяния и прочтении обычных молитв приняты на исповедь желающие.

9 декабря совершена литургия в [церковно]-пр[иходской] школе на походном св. антиминсе. Молящихся было до 80, приобщено Св. Таин до 40 младенцев и 17 говельщиков. Пред причащением сказана приличная импровизация, а также прочитано поучение (Е. Р-ского) о том, что должно постоянно памятовать о смерти. По литургии причастникам и молящимся розданы листки «Правда и знание» и др. для чтения.

Обращено внимание тунгусов на неотложный ремонт школы, особенно [на] устройство новых школьных парт, и предложено избрать попечителя для школы, каковым и избран тунгус Семен Николаев Пляскин. К вечеру сегодня я выехал из Кыкэра до Акиминского улуса, где и ночеват.

10 декабря 1907. Выехал обратно домой по р. Нерче. В полдень отдыхали и обогривались чайком у пылающего костра на берегу р. Нерчи

за отсутствием вблизи какой-либо теплой хижины. Домой дотащились уже ночью, и не без приключений во тьме ночной. Недалеко от Зюльзы оказалась глубокая наледь, воспрепятствовавшая путешествию по реке, пришлось еле взобраться на крутой берег и продолжать путешествие по ухабам и глубокому снегу, часто опрокидываясь, наконец дальнейшее движение по берегу было невозможно, необходимо спуститься на реку, а берег крутой, при спуске сани опрокинулись вверх полозьями, и я очутился у задних ног пристяжной лошади, благо, что она кротка и меня не тронула... Как бы то ни было, а доехали домой благополучно. После нас возвращался с Кыкэра старший земельно-лесной надзиратель г. Паспаров и ночью попал в эту же наледь так, что едва выбрались из нее, вытаскивая сани из воды на себе, лошадей же, почти засевших в воде, едва спасли, отогревая их в теплой комнате.

*Сотрудник Забайкальской Духовной миссии,
священник Зюльзинской Предтеченской
церкви о. Никандр Титов*

